

Дэн Браун

Цифровая крепость

«АСТ»

1998

Браун Д.

Цифровая крепость / Д. Браун — «АСТ», 1998

ISBN 978-5-457-15334-9

Автор супербестселлера десятилетия предлагает вам взломать еще один код – сверхсложный, таящий в себе опасность и угрозу для всего мира! Но... кто придумал этот код?! Чего он добивается?! Зачем вступил в безжалостную игру с Агентством национальной безопасности США?! Оружие загадочного врага – всего лишь набор символов и букв. За расшифровку берется лучший криптограф Америки Сьюзан Флетчер. И то, что она обнаруживает, ставит под угрозу не только важнейшие разработки спецслужб США, но и судьбы миллионов людей... С этой секунды на Сьюзан начинается настоящая охота...

ISBN 978-5-457-15334-9

© Браун Д., 1998

© АСТ, 1998

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	38
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	53
Глава 15	55
Глава 16	57
Глава 17	59
Глава 18	61
Глава 19	62
Глава 20	65
Глава 21	67
Глава 22	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дэн Браун

Цифровая крепость

Моим родителям...

моим героям и наставникам

Считаю своим долгом поблагодарить: моих редакторов из издательства «Сент-Мартин пресс» Томаса Данна и Мелиссу Джекобс, человека редкостных талантов; моих нью-йоркских литературных агентов Джорджа Уизера, Ольгу Уизер и Джейка Элвелла; всех, кто прочитал рукопись и попутно способствовал ее улучшению. И прежде всего мою жену Блайт за энтузиазм и терпение.

А также большое спасибо двум бывшим шифровальщикам Агентства национальной безопасности, которые оказали мне бесценную помощь анонимными ответами на мои письма. Без них эта книга не была бы написана.

Пролог

Площадь Испании

Севилья, Испания

11.00

Говорят, что в минуту смерти все обретает предельную ясность. Энсей Танкадо теперь знал, что это чистая правда. Прижав руку к груди, которую жгла нестерпимая боль, и падая на землю, он понял весь ужас своей ошибки.

Подошли какие-то люди, склонились над ним, пытаясь помочь. Но Танкадо уже не нуждался в помощи – слишком поздно.

Он поднял дрожащую левую руку и вытянул вперед растопыренные пальцы. *Посмотрите на мою руку!* Окружающие уставились на него, но он мог поклясться, что они ничего не поняли.

На его пальце блеснуло золотое кольцо с гравировкой. На мгновение, освещенные андалузским солнцем, сверкнули какие-то знаки. Энсей Танкада знал, что это последняя вспышка света в его жизни.

Глава 1

Они были вдвоем в Смоки-Маунтинс, в своем любимом отеле. Дэвид смотрел на нее и улыбался.

– Ну и что ты скажешь, моя красавица? Выйдешь за меня замуж?

Лежа в кровати с балдахином, она смотрела на него и знала, что ей нужен именно он. Навсегда. Ее завораживала глубина его темно-зеленых глаз, и она не могла отвести от них взгляд. В этот момент где-то вдали раздался оглушительный колокольный звон. Она потянулась к Дэвиду, но он исчез, и ее руки сомкнулись в пустоте.

Телефонный звонок окончательно прогнал сон. Сьюзан Флетчер вздохнула, села в кровати и потянулась к трубке.

– Алло?

– Сьюзан, это Дэвид. Я тебя разбудил?

Она улыбнулась и поудобнее устроилась в постели.

– Ты мне только что приснился. Приходи поиграть.

– На улице еще темно, – засмеялся он.

– А-ах, – сладко потянулась она. – Тем более приходи. Мы успеем выспаться перед поездкой на север.

Дэвид грустно вздохнул:

– Потому-то я и звоню. Речь идет о нашей поездке. Нам придется ее отложить.

– Что-о? – Сьюзан окончательно проснулась.

– Прости. Я срочно уезжаю. Вернусь завтра. И уже утром мы сможем поехать. В нашем распоряжении будет целых два дня.

– Но я уже забронировала номер, – обиженно сказала Сьюзан. – Нашу старую комнату в «Стоун-Мэнор».

– Я понимаю, но...

– Сегодня у нас особый день – мы собирались отметить шесть месяцев. Надеюсь, ты помнишь, что мы помолвлены?

– Сьюзан, – вздохнул он. – Я не могу сейчас об этом говорить, внизу ждет машина. Я позвоню тебе из самолета и все объясню.

– Из самолета? – повторила она. – Что происходит? С какой стати университетский профессор...

– Это не университетские дела. Я позвоню и все объясню. Мне в самом деле пора идти, они уже сигналият. Буду на связи, обещаю.

– Дэвид! – крикнула она. – Что...

Но было уже поздно. Дэвид положил трубку.

Она долго лежала без сна, ожидая его звонка. Но телефон молчал.

В подавленном настроении Сьюзан приняла ванну. Она окунулась в мыльную пену и попыталась забыть о «Стоун-Мэнор» и Смоки-Маунтинс. «Куда его понесло? – думала она. – Почему он не звонит?»

Вода из горячей постепенно превратилась в теплую и, наконец, холодную. Она уже собиралась вылезать, как вдруг ожил радиотелефон. Сьюзан быстро встала и, расплескивая воду, потянулась к трубке, лежавшей на краю раковины.

– Дэвид?

– Это Стратмор, – прозвучал знакомый голос.

Сьюзан плюхнулась обратно в ванну.

– Ох! – Она не могла скрыть разочарование. – Здравствуйте, шеф.

– Думала, кое-кто помоложе? – засмеялся Стратмор.
– Да нет, сэр, – попыталась она сгладить неловкость. – Не в этом дело...
– Да в этом, конечно. – Он все еще посмеивался. – Дэвид Беккер хороший малый. Не упусти его.

– Спасибо, шеф.

Голос шефа из смешливого вдруг стал жестким:

– Сьюзан, я звоню потому, что ты нужна мне здесь. Срочно.

Она попыталась собраться с мыслями.

– Сегодня суббота, сэр. Обычно мы...

– Знаю, – спокойно сказал он. – Но ситуация чрезвычайная.

Сьюзан встала. *Чрезвычайная ситуация?* Она не помнила, чтобы это слово срывалось когда-нибудь с губ командера Стратмора. *Чрезвычайная? В шифровалке?* Она не могла себе этого представить.

– С-слушаюсь, сэр. – Она выдержала паузу. – Постараюсь побыстрее.

– А лучше еще быстрее. – Стратмор положил трубку.

Сьюзан стояла, завернувшись в мохнатое полотенце, не замечая, что вода капает на аккуратно сложенные вещи, приготовленные накануне: шорты, свитер – на случай прохладных вечеров в горах, – новую ночную рубашку. Расстроенная, она подошла к шкафу, чтобы достать чистую блузку и юбку. *Чрезвычайная ситуация? В шифровалке?*

Спускаясь по лестнице, она пыталась представить себе, какие еще неприятности могли ее ожидать.

Ей предстояло узнать это совсем скоро.

Глава 2

На высоте тридцать тысяч футов, над застывшим внизу океаном, Дэвид Беккер грустно смотрел в крохотный овальный иллюминатор самолета «Лирджет-60». Ему сказали, что бортовой телефон вышел из строя, поэтому позвонить Сьюзан не удастся.

– Что я здесь делаю? – пробормотал он. Ответ был очень простым: есть люди, которым не принято отвечать «нет».

– Мистер Беккер, – возвестил громкоговоритель. – Мы прибываем через полчаса.

Беккер мрачно кивнул невидимому голосу. *Замечательно*. Он опустил шторку иллюминатора и попытался вздремнуть. Но мысли о Сьюзан не выходили из головы.

Глава 3

«Вольво» Сьюзан замер в тени высоченного четырехметрового забора с протянутой поверху колючей проволокой. Молодой охранник положил руку на крышу машины.

– Пожалуйста, ваше удостоверение.

Сьюзан протянула карточку и приготовилась ждать обычные полминуты. Офицер пропустил удостоверение через подключенный к компьютеру сканер, потом наконец взглянул на нее.

– Спасибо, мисс Флетчер. – Он подал едва заметный знак, и ворота распахнулись.

Проехав еще полмили, Сьюзан подверглась той же процедуре перед столь же внушительной оградой, по которой был пропущен электрический ток. «Давайте же, ребята... уже миллион раз вы меня проверяли».

Когда она приблизилась к последнему контрольно-пропускному пункту, коренастый часовой с двумя сторожевыми псами на поводке и автоматом посмотрел на номерной знак ее машины и кивком разрешил следовать дальше. Она проехала по Кэнин-роуд еще сотню метров и въехала на стоянку «С», предназначенную для сотрудников. «Невероятно, – подумала она, – двадцать шесть тысяч служащих, двадцатимиллиардный бюджет – и они не могут обойтись без меня в уик-энд». Она поставила машину на зарезервированное за ней место и выключила двигатель.

Миновав похожую на сад террасу и войдя в главное здание, она прошла проверку еще на двух внутренних контрольных пунктах и наконец оказалась в туннеле без окон, который вел в новое крыло. Вскоре путь ей преградила кабина голосового сканирования, табличка на которой гласила:

АГЕНТСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (АНБ)

ОТДЕЛЕНИЕ КРИПТОГРАФИИ

ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ С ДОПУСКОМ

Вооруженный охранник поднял голову:

– Добрый день, мисс Флетчер.

– Привет, Джон.

– Не ожидал, что вы придете сегодня.

– Да, я тоже. – Она наклонилась к микрофону и четко произнесла: – Сьюзан Флетчер.

Компьютер немедленно распознал частоту ее голоса, и дверь, щелкнув, открылась. Сьюзан проследовала дальше.

Охранник залюбовался Сьюзан, шедшей по бетонной дорожке. Он обратил внимание, что сегодня взгляд ее карих глаз казался отсутствующим, но на щеках играл свежий румянец, а рыжеватые до плеч волосы были только что высушены. От нее исходил легкий аромат присыпки «Джонсонс беби». Его взгляд скользнул по стройной фигурке, задержался на белой блузке с едва различимым под ней бюстгалтером, на юбке до колен цвета хаки и, наконец, на ее ногах... ногах Сьюзан Флетчер.

Трудно поверить, что такие ножки носят 170 баллов IQ. Охранник покачал головой.

Он долго смотрел ей вслед. И снова покачал головой, когда она скрылась из виду.

Дойдя до конца туннеля, Сьюзан уткнулась в круглую сейфовую дверь с надписью СЕКРЕТНО – огромными буквами.

Вздыхнув, она просунула руку в углубление с цифровым замком и ввела свой личный код из пяти цифр. Через несколько секунд двенадцатитонная стальная махина начала поворачиваться. Она попыталась собраться с мыслями, но они упрямо возвращали ее к нему.

Дэвид Беккер. Единственный мужчина, которого она любила. Самый молодой профессор Джорджтаунского университета, блестящий ученый-лингвист, он пользовался всеобщим признанием в академическом мире. Наделенный феноменальной памятью и способностями к языкам, он знал шесть азиатских языков, а также прекрасно владел испанским, французским и итальянским. На его лекциях по этимологии яблоку негде было упасть, и он всегда надолго задерживался в аудитории, отвечая на нескончаемые вопросы. Он говорил авторитетно и увлеченно, не обращая внимания на восторженные взгляды студентов.

Беккер был смуглым моложавым мужчиной тридцати пяти лет, крепкого сложения, с пронизательным взглядом зеленых глаз и потрясающим чувством юмором. Волевой подбородок и правильные черты его лица казались Сьюзан высеченными из мрамора. При росте более ста восьмидесяти сантиметров он передвигался по корту куда быстрее университетских коллег. Разгромив очередного партнера, он шел охладиться к фонтанчику с питьевой водой и опускал в него голову. Затем, с еще мокрыми волосами, угощал поверженного соперника орешками и соком.

Как у всех молодых профессоров, университетское жалованье Дэвида было довольно скромным. Время от времени, когда надо было продлить членство в теннисном клубе или перетянуть старую фирменную ракетку, он подрабатывал переводами для правительственных учреждений в Вашингтоне и его окрестностях. В связи с одной из таких работ он и познакомился со Сьюзан.

В то прохладное осеннее утро у него был перерыв в занятиях, и после ежедневной утренней пробежки он вернулся в свою трехкомнатную университетскую квартиру. Войдя, Дэвид увидел мигающую лампочку автоответчика. Слушая сообщение, он выпил почти целый пакет апельсинового сока. Послание ничем не отличалось от многих других, которые он получал: правительственное учреждение просит его поработать переводчиком в течение нескольких часов сегодня утром. Станным показалось только одно: об этой организации Беккер никогда прежде не слышал.

Беккер позвонил одному из своих коллег:

– Тебе что-нибудь известно об Агентстве национальной безопасности?

Это был не первый его звонок, но ответ оставался неизменным:

– Ты имеешь в виду Совет национальной безопасности?

Беккер еще раз просмотрел сообщение.

– Нет. Они сказали – агентство. АНБ.

– Никогда о таком не слышал.

Беккер заглянул в справочник Управления общей бухгалтерской отчетности США, но не нашел в нем ничего похожего. Заинтригованный, он позвонил одному из своих партнеров по теннису, бывшему политологу, перешедшему на службу в Библиотеку конгресса. Слова приятеля его очень удивили.

Дело в том, что АНБ не только существовало, но и считалось одной из самых влиятельных правительственных организаций в США и во всем мире. Уже больше полувека оно занималось тем, что собирало электронные разведанные по всему миру и защищало американскую секретную информацию. О его существовании знали только три процента американцев.

– АНБ, – пошутил приятель, – означает «Агентство, которого Никогда не Было».

Со смешанным чувством тревоги и любопытства Беккер принял приглашение загадочного агентства. Он проехал тридцать семь миль до их штаб-квартиры, раскинувшейся на участке площадью тридцать шесть акров среди лесистых холмов Форт-Мида в штате Мэриленд. После бесчисленных проверок на контрольно-пропускных пунктах он получил шестичасовой гостевой пропуск с голографическим текстом и был препровожден в роскошное помещение, где ему, как было сказано, предстояло «вслепую» оказать помощь Отделению криптографии – элитарной группе талантливых математиков, именуемых дешифровщиками.

В течение первого часа они, казалось, даже не замечали его присутствия. Обступив громадный стол, они говорили на языке, которого Беккеру прежде никогда не доводилось слышать, – о поточных шифрах, самоуничтожающихся генераторах, ранцевых вариантах, протоколах нулевого понимания, точках единственности. Беккер наблюдал за ними, чувствуя себя здесь лишним. Они рисовали на разграфленных листах какие-то символы, вглядывались в компьютерные распечатки и постоянно обращались к тексту, точнее – нагромождению букв и цифр, на экране под потолком.

JHBJA3JKHDMADO/ERTWTJLW+JGJ328
 5JHALSFNKHNNHFAF0HHDFGAF/FJ37WE
 ONI93450S9DJFD2H/HHRTYFHLF89303
 95JSPJF2J0890IHJ98YHFI080EWRT03
 JOJR845H0ROQ+JT0EU4TQEFQE//OUJW
 08UYOIH0934JTPWFIAJER09QU4JR9GU
 IVJP\$DUW4H95PE8RTUGVJW3P4E/IKKC
 MFFUERHFGV0Q394IKJRMG+UNHVS90ER
 IRK/0956Y7U0POIKI0JP9F8760QWERQI

В конце концов один из них объяснил Беккеру то, что тот уже и сам понял. Эта абракадабра представляла собой зашифрованный текст: за группами букв и цифр прятались слова. Задача дешифровщиков состояла в том, чтобы, изучив его, получить оригинальный, или так называемый открытый, текст. АНБ пригласило Беккера, потому что имелось подозрение, что оригинал был написан на мандаринском диалекте китайского языка, и ему предстояло переводить иероглифы по мере их дешифровки.

В течение двух часов Беккер переводил бесконечный поток китайских иероглифов. Но каждый раз, когда он предлагал перевод, дешифровщики в отчаянии качали головами. Очевидно, получалась бессмыслица. Желая помочь, Беккер обратил их внимание на то, что все показанные ему иероглифы объединяет нечто общее – они одновременно являются и иероглифами кандзи. В комнате тут же стало тихо. Старший дешифровщик, нескладный тип по имени Морант, не выпуская сигареты изо рта, недоверчиво уставился на Беккера.

– То есть вы хотите сказать, что эти знаки имеют множественное значение?

Беккер кивнул. Он объяснил, что кандзи – это система японского письма, основанная на видоизмененных китайских иероглифах. Он же давал им китайские значения, потому что такую задачу они перед ним поставили.

– Господи Иисусе. – Морант закашлялся. – Давайте попробуем кандзи.

И словно по волшебству все встало на свое место.

Это произвело на дешифровщиков впечатление, но тем не менее Беккер продолжал переводить знаки вразнобой, а не в той последовательности, в какой они были расположены в тексте.

– Это для вашей же безопасности, – объяснил Морант. – Вам незачем знать, что вы переводите.

Беккер засмеялся. И увидел, что никто даже не улыбнулся, когда текст был наконец расшифрован. Беккер так и не узнал, какие страшные секреты он помог раскрыть, ни одна вещь не вызвала у него никаких сомнений. АНБ очень серьезно относилось к дешифровке. Полученный чек превышал его месячное университетское жалованье.

Когда он шел к выходу по главному коридору, путь ему преградил охранник с телефонной трубкой в руке.

– Мистер Беккер, подождите минутку.

– В чем дело? – Беккер не рассчитывал, что все это займет так много времени, и теперь опаздывал на свой обычный субботний теннисный матч.

Часовой пожал плечами.

– С вами хочет поговорить начальник шифровалки. Она сейчас будет здесь.

– Она? – Беккер рассмеялся. Он не заметил в АНБ ни одного существа женского пола.

– Вас это смущает? – раздался у него за спиной звонкий голос.

Беккер обернулся и тотчас почувствовал, что краснеет. Он уставился на карточку с личными данными, приколотыми к блузке стоявшей перед ним женщины. Глава Отделения криптографии АНБ была не просто женщиной, а очень привлекательной женщиной.

– Да нет, – замялся он. – Я просто...

– Сьюзан Флетчер. – Женщина улыбнулась и протянула ему тонкую изящную руку.

– Дэвид Беккер. – Он пожал ее руку.

– Примите мои поздравления, мистер Беккер. Мне сказали, что вы сегодня отличились. Вы позволите поговорить с вами об этом?

Беккер заколебался.

– Видите ли, я, честно говоря, очень спешу. – Он надеялся, что отказ представителю самого мощного разведывательного ведомства не слишком большая глупость с его стороны, но партия в сквош начиналась через сорок пять минут, а он дорожил своей репутацией: Дэвид Беккер никогда не опаздывает на партию в сквош... на лекцию – да, возможно, но на сквош – никогда.

– Постараюсь быть краткой, – улыбнулась Сьюзан Флетчер. – Пожалуйста, сюда.

Через десять минут Беккер уже сидел в буфете АНБ, жуя сдобную булку и запивая ее клюквенным соком, в обществе очаровательной руководительницы Отделения криптографии АНБ. Ему сразу же стало ясно, что высокое положение в тридцать восемь лет в АНБ нельзя получить за красивые глаза: Сьюзан Флетчер оказалась одной из умнейших женщин, каких ему только доводилось встречать. Обсуждая шифры и ключи к ним, он поймал себя на мысли, что изо всех сил пытается соответствовать ее уровню, – для него это ощущение было новым и оттого волнующим.

Час спустя, когда Беккер уже окончательно опоздал на свой матч, а Сьюзан откровенно проигнорировала трехстраничное послание на интеркоме, оба вдруг расхохотались. И вот эти два интеллектуала, казалось бы, неспособные на вспышки иррациональной влюблен-

ности, обсуждая проблемы лингвистической морфологии и числовые генераторы, внезапно почувствовали себя подростками, и все вокруг окрасилось в радужные тона.

Сьюзан ни слова не сказала об истинной причине своей беседы с Дэвидом Беккером – о том, что она собиралась предложить ему место в Отделе азиатской криптографии. Судя по той увлеченности, с которой молодой профессор говорил о преподавательской работе, из университета он не уйдет. Сьюзан решила не заводить деловых разговоров, чтобы не портить настроение ни ему ни себе. Она снова почувствовала себя школьницей. Это чувство было очень приятно, ничто не должно было его омрачить. И его ничто не омрачало.

Их отношения развивались медленно и романтично: встречи украдкой, если позволяли дела, долгие прогулки по университетскому городку, чашечка капучино у Мерлутти поздно вечером, иногда лекции и концерты. Сьюзан вдруг поняла, что стала смеяться гораздо чаще, чем раньше. Казалось, не было на свете ничего, что Дэвид не мог бы обратить в шутку. Это было радостное избавление от вечного напряжения, связанного с ее служебным положением в АНБ.

В один из прохладных осенних дней они сидели на стадионе, наблюдая за тем, как футбольная команда Рутгерса громит команду Джорджтаунского университета.

– Я забыла: как называется вид спорта, которым ты увлекаешься? – спросила Сьюзан. – Цуккини?

– Сквош, – чуть не застонал Беккер.

Сьюзан сделала вид, что не поняла.

– Это похоже на цуккини, – пояснил он, – только корт поменьше.

Она ткнула его локтем в бок.

Левый крайний Джорджтауна, подавая угловой, отправил мяч в аут, и трибуны негодуяще загудели. Защитники поспешили на свою половину поля.

– А ты? – спросил Беккер. – Что предпочитаешь ты?

– У меня черный пояс по дзюдо.

Беккер поморщился.

– Предпочитаю вид спорта, в котором я могу выиграть.

– Победа любой ценой? – улыбнулась Сьюзан.

Защитник Джорджтауна перехватил опасную передачу, и по трибунам пронесся одобрителный гул. Сьюзан наклонилась к Дэвиду и шепнула ему на ухо:

– Доктор.

Он смотрел на нее с недоумением.

– Доктор, – повторила она. – Скажи первое, что придет в голову.

– Ассоциативный ряд? – по-прежнему недоумевал Дэвид.

– Стандартная для АНБ процедура. Мне нужно знать, с кем я имею дело. – Глаза ее смотрели сурово. – Доктор.

– Зюсс. – Он пожал плечами.

– Ладно, – нахмурилась Сьюзан. – Попробуем еще... Кухня.

– Спальня, – без колебаний отозвался он.

Сьюзан смутилась.

– Хорошо, а что, если... кошка?

– Жила! – не задумываясь выпалил Беккер.

– Жила?

– Да. Кошачья жила. Из нее делают струны для ракеток.

– Как мило, – вздохнула она.

– Итак, твой диагноз? – потребовал он.

Сьюзан на минуту задумалась.

- Склонность к ребячеству, фанат сквоша с подавляемой сексуальностью.
- Беккер пожал плечами:
- Не исключено, что ты попала в точку.

Так продолжалось несколько недель. За десертом в ночных ресторанах он задавал ей бесконечные вопросы.

Где она изучала математику?

Как она попала в АНБ?

Как ей удалось стать столь привлекательной?

Покраснев, Сьюзан сказала, что созрела довольно поздно. Чуть ли не до двадцати лет она была худой и нескладной и носила скобки на зубах, так что тетя Клара однажды сказала, что Господь Бог наградил ее умом в утешение за невзрачные внешние данные. Господь явно поторопился с утешением, подумал Беккер.

Сьюзан также сообщила, что интерес к криптографии появился у нее еще в школе, в старших классах. Президент компьютерного клуба, верзила из восьмого класса Фрэнк Гутманн, написал ей любовные стихи и зашифровал их, подставив вместо букв цифры. Сьюзан упрашивала его сказать, о чем в них говорилось, но он, кокетничая, отказывался. Тогда она взяла послание домой и всю ночь просидела под одеялом с карманным фонариком, пытаясь раскрыть секрет. Наконец она поняла, что каждая цифра обозначала букву с соответствующим порядковым номером. Она старательно расшифровывала текст, завороченная тем, как на первый взгляд произвольный набор цифр превращался в красивые стихи. В тот момент она поняла, что нашла свою любовь – шифры и криптография отныне станут делом ее жизни.

Почти через двадцать лет, получив степень магистра математики в Университете Джонса Хопкинса и окончив аспирантуру по теории чисел со стипендией Массачусетского технологического института, она представила докторскую диссертацию – «Криптографические методы, протоколы и алгоритмы ручного шифрования». По-видимому, ее работу прочел не только научный руководитель, потому что вскоре последовал телефонный звонок, а затем по почте ей доставили авиационный билет от АНБ.

Все, кто имел отношение к криптографии, знали, что в АНБ собраны лучшие криптографические умы нашей планеты. Каждую весну, когда частные фирмы начинают охоту за талантливой молодежью, соблазняя ее неприлично высокими окладами и фондовыми опционами в придачу, АНБ внимательно наблюдает за этим, выделяет наиболее подходящих и удваивает предлагаемую сумму. АНБ покупает все, что ему требуется. Дрожа от нетерпения, Сьюзан вылетела в Вашингтон. В международном аэропорту Далласа девушку встретил шофер АНБ, доставивший ее в Форт-Мид.

В тот год аналогичное приглашение получили еще сорок кандидатов. Двадцативосьмилетняя Сьюзан оказалась среди них младшей и к тому же единственной женщиной. Визит вылился в сплошной пиар и бесчисленные интеллектуальные тесты при минимуме информации по существу дела. Через неделю Сьюзан и еще шестерых пригласили снова. Сьюзан заколебалась, но все же поехала. По приезде группу сразу же разделили. Все они подверглись проверке на полиграф-машине, иными словами – на детекторе лжи: были тщательно проверены их родственники, изучены особенности почерка, и с каждым провели множество собеседований на всевозможные темы, включая сексуальную ориентацию и соответствующие предпочтения. Когда интервьюер спросил у Сьюзан, не занималась ли она сексом с животными, она с трудом удержалась, чтобы не выбежать из кабинета, но, так или иначе, верх взяли любопытство, перспектива работы на самом остром теории кодирования, возможность попасть во «Дворец головоломок» и стать членом наиболее секретного клуба в мире – Агентства национальной безопасности.

Беккер внимательно слушал ее рассказ.

– В самом деле спросили про секс с животными?

Сьюзан пожала плечами.

– Обычная проверка кандидата.

– Ну и ну... – Беккер с трудом сдержал улыбку. – И что же ты ответила?

Она ткнула его в ногу носком туфли.

– Я сказала «нет»! – И, выдержав паузу, добавила: – И до вчерашней ночи это была правда.

В глазах Сьюзан Дэвид был самым совершенством – насколько вообще такое возможно. Одно только ее беспокоило: всякий раз, когда они куда-то ходили, он решительно противился тому, чтобы она сама платила за себя. Сьюзан не могла с этим смириться, видя, как он выкладывает за их обед свою дневную заработную плату, но спорить с ним было бесполезно. Она в конце концов перестала протестовать, но это продолжало ее беспокоить. «Я зарабатываю гораздо больше, чем в состоянии потратить, – думала она, – поэтому будет вполне естественным, если я буду платить».

Но если не считать его изрядно устаревших представлений о рыцарстве, Дэвид, по мнению Сьюзан, вполне соответствовал образцу идеального мужчины. Внимательный и заботливый, умный, с прекрасным чувством юмора и, самое главное, искренне интересующийся тем, что она делает. Чем бы они ни занимались – посещали Смитсоновский институт, совершали велосипедную прогулку или готовили спагетти у нее на кухне, – Дэвид всегда вникал во все детали. Сьюзан отвечала на те вопросы, на которые могла ответить, и постепенно у Дэвида сложилось общее представление об Агентстве национальной безопасности – за исключением, разумеется, секретных сторон деятельности этого учреждения.

Основанное президентом Трумэном в 12 часов 01 минуту 4 ноября 1952 года, АНБ на протяжении почти пятидесяти лет оставалось самым засекреченным разведывательным ведомством во всем мире. Семистраничная доктрина сжато излагала программу его работы: защищать системы связи американского правительства и перехватывать сообщения зарубежных государств.

На крыше главного служебного здания АНБ вырос лес из более чем пятисот антенн, среди которых были две большие антенны, закрытые обтекателями, похожими на громадные мячи для гольфа. Само здание также было гигантских размеров – его площадь составляла более двух миллионов квадратных футов, вдвое больше площади штаб-квартиры ЦРУ. Внутри было протянуто восемь миллионов футов телефонного кабеля, общая площадь постоянно закрытых окон составляла восемьдесят тысяч квадратных футов.

Сьюзан рассказала Дэвиду про КОМИНТ, подразделение глобальной разведки, в распоряжении которого находилось немыслимое количество постов прослушивания, спутников-шпионов и подслушивающих устройств по всему земному шару. Ежедневно тысячи сообщений и разговоров перехватывались и посылались экспертам АНБ для дешифровки. Разведданные, поставляемые агентством, влияли на процесс принятия решений ФБР, ЦРУ, а также внешнеполитическими советниками правительства США.

Беккер был потрясен.

– А как насчет вскрытия шифров? Какова *твоя* роль во всем этом?

Сьюзан объяснила, что перехватываемые сообщения обычно исходят от правительств потенциально враждебных стран, политических фракций, террористических групп, многие из которых действуют на территории США. Эти сообщения обычно бывают зашифрованы: на тот случай, если они попадут не в те руки, – а благодаря КОМИНТ это обычно так и происходит. Сьюзан сообщила Дэвиду, что ее работа заключается в изучении шифров, взламывании их ручными методами и передаче расшифрованных сообщений руководству. Но это было не совсем так.

Сьюзан переживала из-за того, что ей пришлось солгать любимому человеку, но у нее не было другого выхода. Все, что она сказала, было правдой еще несколько лет назад, но с тех пор положение в АНБ изменилось. Да и весь мир криптографии изменился. Новые обязанности Сьюзан были засекречены, в том числе и для многих людей в высших эшелонах власти.

– Шифры, – задумчиво сказал Беккер – Откуда ты знаешь, с чего начинать? То есть... как ты их вскрываешь?

Сьюзан улыбнулась:

– Уж ты-то мог бы это понять. Это все равно что изучать иностранный язык. Сначала текст воспринимается как полная бессмыслица, но по мере постижения законов построения его структуры начинает появляться смысл.

Беккер понимающе кивнул, но ему хотелось знать больше.

Используя вместо классной доски салфетки ресторана Мерлутти или концертные программы, Сьюзан дала этому популярному и очень привлекательному преподавателю первые уроки криптографии. Она начала с «совершенного квадрата» Юлия Цезаря.

Цезарь, объясняла она, был первым в истории человеком, использовавшим шифр. Когда его посыльные стали попадать в руки врага вместе с его секретными посланиями, он придумал примитивный способ шифровки своих указаний. Он преобразовывал послания таким образом, чтобы текст выглядел бессмыслицей. Что, разумеется, было не так. Каждое послание состояло из числа букв, равного полному квадрату, – шестнадцати, двадцати пяти, ста – в зависимости от того, какой объем информации нужно было передать. Цезарь тайно объяснил офицерам, что по получении этого якобы случайного набора букв они должны записать текст таким образом, чтобы он составил квадрат. Тогда, при чтении сверху вниз, перед глазами магически возникало тайное послание.

С течением времени этот метод преобразования текста был взят на вооружение многими другими и модифицирован, с тем чтобы его труднее было прочесть. Кульминация развития докомпьютерного шифрования пришлась на время Второй мировой войны. Нацисты сконструировали потрясающую шифровальную машину, которую называли «Энигма». Она была похожа на самую обычную старомодную пишущую машинку с медными взаимосвязанными роторами, вращавшимися сложным образом и превращавшими открытый текст в запутанный набор на первый взгляд бессмысленных групп знаков. Только с помощью еще одной точно так же настроенной шифровальной машины получатель текста мог его прочесть.

Беккер слушал как завороченный. Учитель превратился в ученика.

Однажды вечером на университетском представлении «Щелкунчика» Сьюзан предложила Дэвиду вскрыть шифр, который можно было отнести к числу базовых. Весь антракт он просидел с ручкой в руке, ломая голову над посланием из одиннадцати букв:

HL FKZC VD LDS

В конце концов, когда уже гасли огни перед началом второго акта, его осенило. Шифруя послание, Сьюзан просто заменила в нем каждую букву на предшествующую ей алфавите. Для расшифровки Беккеру нужно было всего лишь подставить вместо имеющихся букв те, что следовали непосредственно за ними: А превращалось в В, В – в С и так далее. Беккер быстро проделал это со всеми буквами. Он никогда не думал, что четыре слова могут сделать его таким счастливым:

IM GLAD WE MET

Что означало: «Я рада, что мы встретились». Он быстро нацарапал на программке ответ и протянул Сьюзан:

LD SNN

Сьюзан, прочитав, просияла. ME TOO, что означало: «Я тоже».

Беккер расхохотался. Он дожил до тридцати пяти лет, а сердце у него прыгало, как у влюбленного мальчишки. Никогда еще его не влекло ни к одной женщине. Изящные европейские черты лица и карие глаза делали Сьюзан похожей на модель, рекламирующую косметику «Эсте Лаудер». Худоба и неловкость подростка бесследно исчезли. С годами она приобрела гибкость и грацию. У нее была высокая стройная фигура с пышной грудью и по-юношески плоским животом. Дэвид шутил, что она может стать первой моделью для рекламы купальников, имеющей докторскую степень по прикладной математике и теории чисел. Через несколько месяцев оба начали подозревать, что обрели нечто такое, что может продлиться всю жизнь.

Они были вместе уже два года, когда Дэвид вдруг сделал ей предложение. Это случилось во время поездки на уик-энд в Смоки-Маунтинс. Они лежали на широкой кровати под балдахином в «Стоун-Мэнор». О кольцо он позаботиться не успел, слова пришли сами собой. Именно это и нравилось ей в нем – спонтанность решений. Она надолго прижалась губами к его губам. Он обвил ее руками, и они сами собой начали стягивать с нее ночную рубашку.

– Я понимаю это как знак согласия, – сказал он, и они не отрывались друг от друга всю ночь, согреваемые теплом камина.

Этот волшебный вечер был шесть месяцев назад, до того как Дэвида неожиданно назначили главой факультета современных языков. С тех пор их отношения развивались с быстротой скольжения по склону горы.

Глава 4

Потайная дверь издала сигнал, выведя Сьюзан из состояния печальной задумчивости. Дверь повернулась до положения полного открытия. Через пять секунд она вновь закроется, совершив вокруг своей оси поворот на триста шестьдесят градусов. Сьюзан собралась с мыслями и шагнула в дверной проем. Компьютер зафиксировал ее прибытие.

Хотя Сьюзан практически не покидала шифровалку в последние три года, она не переставала восхищаться этим сооружением. Главное помещение представляло собой громадную округлую камеру высотой в пять этажей. Ее прозрачный куполообразный потолок в центральной части поднимался на 120 футов. Купол из плексигласа имел ячеистую структуру – защитную паутину, способную выдержать взрыв силой в две мегатонны. Солнечные лучи, проходя сквозь этот экран, покрывали стены нежным кружевным узором. Крошечные частички пыли, пленницы мощной системы деионизации купола, простодушно устремлялись вверх широкой спиралью.

Наклонные стены помещения, образуя сверху широкую арку, на уровне глаз были практически вертикальными. Затем они приобретали как бы полупрозрачность, завершаясь у пола непроницаемой чернотой – посверкивающей черной глазурью кафеля, отливавшей жутковатым сиянием, создававшим какое-то тревожное ощущение прозрачности пола. Черный лед.

В центре помещения из пола торчала, подобно носу исполинской торпеды, верхняя часть машины, ради которой было возведено все здание. Ее черный лоснящийся верх поднимался на двадцать три фута, а сама она уходила далеко вниз, под пол. Своей гладкой округлой формой она напоминала дельфина-косатку, застывшего от холода в схваченном морозом море.

Это был «ТРАНСТЕКСТ», компьютер, равного которому не было в мире, – шифровальная машина, засекреченная агентством.

Подобно айсбергу машина скрывала девяносто процентов своей массы и мощи под поверхностью. Ее секрет был спрятан в керамических шахтах, уходивших на шесть этажей вниз; ее похожий на ракету корпус окружал лабиринт подвесных лесов и кабелей, из-под которых слышалось шипение фреоновой системы охлаждения. Генераторы внизу производили постоянный низкочастотный гул, что делало акустику в шифровалке какой-то заgrabной, присущей миру призраков.

«ТРАНСТЕКСТ», подобно всем великим технологическим достижениям, появился на свет в силу необходимости. В 1980-е годы АНБ стало свидетелем революции в сфере телекоммуникаций, которой было суждено навсегда изменить весь мир разведывательной деятельности, – имеется в виду широкая доступность Интернета, а если говорить конкретнее – появление электронной почты.

Преступники, террористы и шпионы, которым надоело прослушивание их телефонов, с радостью встретили это новое средство глобальной коммуникации. Электронная почта соединила безопасность обычной почты со скоростью телефонной связи. С тех пор как сообщения стали передаваться по подземным волоконно-оптическим линиям, а не с помощью радиоволн, они оказались полностью защищенными от перехвата – таков по крайней мере был замысел.

В действительности перехват электронных писем, передвигаемых по Интернету, был детской забавой для технических гуру из АНБ. Интернет не был создан, как считали многие, в эру домашних персональных компьютеров. Он появился тремя десятилетиями ранее благодаря усилиям специалистов из министерства обороны и представлял собой громадную

сеть компьютеров, призванных обеспечить безопасность правительственной связи на случай ядерной войны. Профессионалы Интернета стали глазами и ушами АНБ. Люди, занимавшиеся нелегальной деятельностью с использованием электронной почты, быстро убедились в том, что их секреты больше не являются их частным достоянием. ФБР, Налоговое управление, Агентство по борьбе с наркотиками и другие правоохранительные агентства США – с помощью опытных штатных хакеров – сумели арестовать и предать суду гораздо больше преступников.

Разумеется, когда пользователи компьютеров во всем мире обнаружили, что американское правительство имеет широкий доступ к их электронной почте, раздались возмущенные голоса. Даже те, кто использовал электронную почту лишь для развлечения, занервничали из-за вторжения в их частную жизнь. Корпоративные программисты во всем мире озаботились решением проблемы безопасности электронной почты. В конце концов оно было найдено – так родился доступный широкой публике способ кодирования.

Его концепция была столь же проста, сколь и гениальна. Она состояла из легких в использовании программ для домашнего компьютера, которые зашифровывали электронные послания таким образом, что они становились абсолютно нечитаемыми. Пользователь писал письмо, пропускал его через специальную программу, и на другом конце линии адресат получал текст, на первый взгляд не поддающийся прочтению, – шифр. Тот же, кто перехватывал такое сообщение, видел на экране лишь маловразумительную абракадабру.

Расшифровать сообщение можно было лишь введя специальный ключ – секретный набор знаков, действующий как ПИН-код в банкомате. Ключ, как правило, был довольно длинным и сложным и содержал всю необходимую информацию об алгоритме кодирования, задействуя математические операции, необходимые для воссоздания исходного текста.

Теперь пользователь мог посылать конфиденциальные сообщения: ведь если даже его послание перехватывалось, расшифровать его могли лишь те, кто знал ключ-пароль.

АНБ сразу же осознало, что возникла кризисная ситуация. Коды, с которыми столкнулось агентство, больше не были шифрами, что разгадывают с помощью карандаша и листка бумаги в клетку, – теперь это были компьютеризированные функции запутывания, основанные на теории хаоса и использующие множественные символические алфавиты, чтобы преобразовать сообщение в абсолютно хаотичный набор знаков.

Сначала используемые пароли были довольно короткими, что давало возможность компьютерам АНБ их «угадывать». Если искомый пароль содержал десять знаков, то компьютер программировался так, чтобы перебирать все комбинации от 0000000000 до 9999999999, и рано или поздно находил нужное сочетание цифр. Этот метод проб и ошибок был известен как применение «грубой силы». На это уходило много времени, но математически гарантировало успех.

Когда мир осознал возможности шифровки с помощью «грубой силы», пароли стали все длиннее и длиннее. Компьютерное время, необходимое для их «угадывания», растягивалось на месяцы и в конце концов – на годы.

К началу 1990-х годов ключи имели уже более пятидесяти знаков, в них начали использовать весь алфавит АСКИ – Американского национального стандартного кода для обмена информацией, состоящего из букв, цифр и символов. Число возможных комбинаций приблизилось к 10 в 120-й степени – то есть к единице со 120 нулями. Определить ключ стало столь же математически нереально, как найти нужную песчинку на пляже длиной в три мили. Было подсчитано, что для успешной атаки на стандартный ключ самому быстрому компьютеру АНБ – секретнейшему «Крей-Джозефсону II» – потребуется более девятнадцати лет. К тому времени когда компьютер разгадает пароль и взломает шифр, информация, содержащаяся в послании, утратит всякую ценность.

Оказавшись в условиях подлинного разведывательного затемнения, АНБ выпустило секретную директиву, одобренную президентом Соединенных Штатов. Заручившись поддержкой федеральных фондов и получив карт-бланш на все необходимые меры для решения проблемы, АНБ приступило к созданию невозможного – первой универсальной машины для вскрытия шифров.

Вопреки широко распространенному мнению о том, что такой компьютер создать невозможно, АНБ осталось верным своему девизу: возможно все; на невозможное просто требуется больше времени.

Через пять лет, истратив полмиллиона рабочих часов и почти два миллиарда долларов, АНБ вновь доказало жизненность своего девиза. Последний из трех миллионов процессоров размером с почтовую марку занял свое место, все программное обеспечение было установлено, и керамическая оболочка наглухо заделана. «ТРАНСТЕКСТ» появился на свет.

Хотя создававшийся в обстановке повышенной секретности «ТРАНСТЕКСТ» стал плодом усилий многих умов и принцип его работы не был доступен ни одному человеку в отдельности, он, в сущности, был довольно прост: множество рук делают груз легким.

Три миллиона процессоров работали параллельно – считая с неимоверной скоростью, перебирая все мыслимые комбинации символов. Надежда возлагалась на то, что шифры даже с самыми длинными ключами не устоят перед исключительной настойчивостью «ТРАНСТЕКСТА». Этот многомиллиардный шедевр использовал преимущество параллельной обработки данных, а также некоторые секретные достижения в оценке открытого текста для определения возможных ключей и взламывания шифров. Его мощь основывалась не только на умопомрачительном количестве процессоров, но также и на достижениях квантового исчисления – зарождающейся технологии, позволяющей складировать информацию в квантово-механической форме, а не только в виде двоичных данных.

Момент истины настал в одно ненастное октябрьское утро. Провели первый реальный тест. Несмотря на сомнения относительно быстродействия машины, в одном инженеры проявили единодушие: если все процессоры станут действовать параллельно, «ТРАНСТЕКСТ» будет очень мощным. Вопрос был лишь в том, насколько мощным.

Ответ получили через двенадцать минут. Все десять присутствовавших при этом человек в напряженном ожидании молчали, когда вдруг заработавший принтер выдал им открытый текст: шифр был взломан. «ТРАНСТЕКСТ» вскрыл ключ, состоявший из шестидесяти четырех знаков, за десять с небольшим минут, в два миллиона раз быстрее, чем если бы для этого использовался второй по мощности компьютер АНБ. Тогда бы время, необходимое для дешифровки, составило двадцать лет.

Производственное управление АНБ под руководством заместителя оперативного директора командера Тренора Дж. Стратмора торжествовало победу. «ТРАНСТЕКСТ» себя оправдал. В интересах сохранения в тайне этого успеха командер Стратмор немедленно организовал утечку информации о том, что проект завершился полным провалом. Вся деятельность в крыле, где размещалась шифровалька, якобы сводилась к попыткам зализать раны после своего фиаско ценой в два миллиарда долларов. Правду знала только элита АНБ – «ТРАНСТЕКСТ» взламывал сотни шифров ежедневно.

В условиях, когда пользователи были убеждены, что закодированные с помощью компьютера сообщения не поддаются расшифровке – даже усилиями всемогущего АНБ, – секреты потекли рекой. Наркобароны, боссы, террористы и люди, занятые отмыванием криминальных денег, которым надоели перехваты и прослушивание их переговоров по сотовым телефонам, обратились к новейшему средству мгновенной передачи сообщений по всему миру – электронной почте. Теперь, считали они, им уже нечего было опасаться, представ перед Большим жури, услышать собственный записанный на пленку голос как доказательство давно забытого телефонного разговора, перехваченного спутником АНБ.

Никогда еще получение разведывательной информации не было столь легким делом. Шифры, перехваченные АНБ, вводились в «ТРАНСТЕКСТ» и через несколько минуты выплывали из машины в виде открытого текста. Секретов отныне больше не существовало.

Чтобы еще больше усилить впечатление о своей некомпетентности, АНБ подвергло яростным нападкам программы компьютерного кодирования, утверждая, что они мешают правоохранительным службам ловить и предавать суду преступников. Участники движения за гражданские свободы торжествовали и настаивали на том, что АНБ ни при каких обстоятельствах не должно читать их почту. Программы компьютерного кодирования раскупались как горячие пирожки. Никто не сомневался, что АНБ проиграло сражение. Цель была достигнута. Все глобальное электронное сообщество было обведено вокруг пальца... или так только казалось?

Глава 5

«Куда все подевались? – думала Сьюзан, идя по пустому помещению шифровалки. – Ничего себе чрезвычайная ситуация».

Хотя большинство отделов АНБ работали в полном составе семь дней в неделю, по субботам в шифровалке было тихо. По своей природе математики-криптографы – неисправимые трудоголики, поэтому существовало неписаное правило, что по субботам они отдыхают, если только не случается нечто непредвиденное. Взломщики шифров были самым ценным достоянием АНБ, и никто не хотел, чтобы они сгорали на работе.

Сьюзан посмотрела на корпус «ТРАНСТЕКСТА», видневшийся справа. Шум генераторов, расположенных восемью этажами ниже, звучал сегодня в ее ушах необычайно зловеще. Сьюзан не любила бывать в шифровалке в неурочные часы, поскольку в таких случаях неизменно чувствовала себя запертой в клетке с гигантским зверем из научно-фантастического романа. Она ускорила шаги, чтобы побыстрее оказаться в кабинете шефа.

К рабочему кабинету Стратмора, именуемому аквариумом из-за стеклянных стен, вела узкая лестница, поднимавшаяся по задней стене шифровалки. Взираясь по решетчатым ступенькам, Сьюзан смотрела на массивную дубовую дверь кабинета, украшенную эмблемой АНБ, на которой был изображен могучий орел, терзающий когтями старинную отмычку. За этой дверью находился один из самых великих людей, которых ей довелось знать.

Пятидесятишестилетний командер Стратмор, заместитель оперативного директора АНБ, был для нее почти как отец. Именно он принимал ее на работу, именно он сделал АНБ для нее родным домом. Когда десять лет назад Сьюзан поступила в агентство, Стратмор возглавлял Отдел развития криптографии, являвшийся тренировочной площадкой для новых криптографов, криптографов *мужского пола*. Хотя Стратмор терпеть не мог выделять кого-нибудь из подчиненных, он с особым вниманием относился к своей единственной сотруднице. Когда его обвиняли в фаворитизме, он в ответ говорил чистую правду: Сьюзан Флетчер – один из самых способных новых сотрудников, которых он принял на работу. Это заявление не оставляло места обвинениям в сексуальном домогательстве, однако как-то один из старших криптографов по глупости решил проверить справедливость слов шефа.

Однажды, в первый год своей работы в агентстве, Сьюзан заглянула в комнату новых криптографов за какими-то бумагами. Уже направляясь к двери, она увидела свое фото на доске объявлений и едва не лишилась чувств. На фотографии она была изображена наклонившейся над постелью, в одних трусиках.

Как выяснилось, кто-то из криптографов сосканировал фотографию из порножурнала и приставил к телу головы модели голову Сьюзан. Получилось очень даже правдоподобно.

К несчастью для того, кто это придумал, командер Стратмор не нашел в этой выходке ничего забавного. Два часа спустя был издан ставший знаковым приказ:

СОТРУДНИК КАРЛ ОСТИН УВОЛЕН

ЗА НЕДОСТОЙНЫЙ ПОСТУПОК

С этого дня никто больше не доставлял ей неприятностей; всем стало ясно, что Сьюзан Флетчер – любимица командера Стратмора.

Но не только молодые криптографы научились уважать Стратмора; еще в начале своей карьеры он был замечен начальством как человек, разработавший целый ряд неортодоксальных и в высшей степени успешных разведывательных операций. Продвигаясь по служебной лестнице, Тревор Стратмор прославился умением сжато и одновременно глубоко анализировать сложнейшие ситуации. Он обладал почти сверхъестественной способностью преодолевать моральные затруднения, с которыми нередко бывают связаны сложные решения агентства, и действовать без угрызений совести в интересах всеобщего блага.

Ни у кого не вызывало сомнений, что Стратмор любит свою страну. Он был известен среди сотрудников, он пользовался репутацией патриота и идеалиста... честного человека в мире, сотканном из лжи.

За годы, прошедшие после появления в АНБ Сьюзан, Стратмор поднялся с поста начальника Отдела развития криптографии до второй по важности позиции во всем агентстве. Теперь только один человек в АНБ был по должности выше командера Стратмора – директор Лиланд Фонтейн, мифический правитель «Дворца головоломок», которого никто никогда не видел, лишь изредка слышал, но перед которым все дрожали от страха. Он редко встречался со Стратмором с глазу на глаз, но когда такое случалось, это можно было сравнить с битвой титанов. Фонтейн был гигантом из гигантов, но Стратмора это как будто не касалось. Он отстаивал перед директором свои идеи со спокойствием невозмутимого боксера-профессионала. Даже президент Соединенных Штатов не решался бросать вызов Фонтейну, что не раз позволял себе Стратмор. Для этого нужен был политический иммунитет – или, как в случае Стратмора, политическая индифферентность.

Сьюзан поднялась на верхнюю ступеньку лестницы. Она не успела постучать, как заверещал электронный дверной замок. Дверь открылась, и командер помахал ей рукой.

– Спасибо, что пришла, Сьюзан. Я тебе очень благодарен.

– Не стоит благодарности. – Она улыбнулась и села напротив шефа.

Стратмор был крупным кряжистым мужчиной, чье невыразительное лицо скрывало присущие ему решительность, настойчивость и неизменное стремление к совершенству. Серые глаза светились уверенностью, с которой сочеталась профессиональная скрытность, но сегодня в них проглядывали беспокойство и нерешительность.

– У вас испуганный вид, – сказала Сьюзан.

– Настали не лучшие времена, – вздохнул Стратмор.

«Не сомневаюсь», – подумала она.

Сьюзан никогда еще не видела шефа столь подавленным. Его редкие седые волосы спутались, и даже несмотря на прохладу, создаваемую мощным кондиционером, на лбу у него выступили капельки пота. Его костюм выглядел так, будто он в нем спал. Стратмор сидел за современным письменным столом с двумя клавиатурами и монитором в расположенной сбоку нише. Стол был завален компьютерными распечатками и выглядел каким-то чужеродным в этом задернутом шторами помещении.

– Тяжелая неделя? – спросила она.

– Не тяжелей, чем обычно. – Стратмор пожал плечами. – Фонд электронных границ замучил неприкосновенностью частной жизни и переписки.

Сьюзан хмыкнула. Этот фонд, всемирная коалиция пользователей компьютеров, развернул мощное движение в защиту гражданских свобод, прежде всего свободы слова в Интернете, разъясняя людям реальности и опасности жизни в электронном мире. Фонд постоянно выступал против того, что именовалось им «оружейными средствами подслушивания, имеющимися в распоряжении правительственных агентств», прежде всего АНБ. Этот фонд был для Стратмора постоянной головной болью.

– Не вижу ничего нового, – сказала Сьюзан. – В чем же чрезвычайность ситуации, из-за которой вы вытащили меня из ванной?

Какое-то время Стратмор задумчиво нажимал на клавиши мышки, вмонтированной в столешницу письменного стола. После долгой паузы он наконец посмотрел ей в глаза и долго не отводил взгляда.

– Назови мне самое большое время, которое «ТРАНСТЕКСТ» затрачивал на взламывание кода.

Что за чепуха! И ради этого он вызвал меня в субботу?

– Как сказать... – Она заколебалась. – Несколько месяцев назад к нам попал перехват КОМИНТ, на расшифровку ушло около часа, но там мы столкнулись с удивительно длинным шифром – что-то около десяти тысяч бит.

– Около часа, говоришь? – хмуро спросил он. – А что ты скажешь о проверках пределов памяти, которые мы выполняли?

Сьюзан пожала плечами.

– Ну, если вы имеете в виду и диагностику, то времени уходило больше.

– Насколько больше?

Сьюзан не понимала, к чему клонит Стратмор.

– В марте я испробовала алгоритм с сегментированным ключом в миллион бит. Ошибка в функции цикличности, сотовая автоматика и прочее. «ТРАНСТЕКСТ» все равно справился.

– Время?

– Три часа.

Стратмор поднял брови.

– Целых три часа? Так долго?

Сьюзан нахмурилась, почувствовав себя слегка оскорбленной. Ее основная работа в последние три года заключалась в тонкой настройке самого секретного компьютера в мире: большая часть программ, обеспечивавших феноменальное быстродействие «ТРАНСТЕКСТА», была ее творением. Шифр в миллион бит едва ли можно было назвать реалистичным сценарием.

– Ладно, – процедил Стратмор. – Итак, даже в самых экстремальных условиях самый длинный шифр продержался в «ТРАНСТЕКСТЕ» около трех часов?

– Да. Более или менее так, – кивнула Сьюзан.

Стратмор замолчал, словно боясь сказать что-то, о чем ему придется пожалеть. Наконец он поднял голову:

– «ТРАНСТЕКСТ» наткнулся на нечто непостижимое. – Он опять замолчал.

Сьюзан ждала продолжения, но его не последовало.

– Больше трех часов?

Стратмор кивнул.

Она не выглядела взволнованной.

– Новая диагностика? Что-нибудь из Отдела обеспечения системной безопасности?

Стратмор покачал головой:

– Это внешний файл.

Она ждала чего угодно, но только не этого.

– Внешний файл? Вы не шутите?

– Если бы я шутил... Я поставил его вчера в одиннадцать тридцать вечера. Шифр до сих пор не взломан.

Сьюзан от изумления застыла с открытым ртом. Она посмотрела на часы, потом на Стратмора.

– Все еще не взломан? Через пятнадцать с лишним часов?

Стратмор подался вперед и повернул к Сьюзан монитор компьютера. На черном поле светилось небольшое желтое окно, на котором виднелись две строчки:

ВРЕМЯ ПОИСКА: 15:09:33

ИСКОМЫЙ ШИФР: _____

Сьюзан недоуменно смотрела на экран. Получалось, что «ТРАНСТЕКСТ» трудится над шифром больше пятнадцати часов. Она хорошо знала, что процессор перебирает тридцать миллионов паролей в секунду – сто миллиардов в час. Если «ТРАНСТЕКСТ» до сих пор не дал ответа, значит, пароль насчитывает не менее десяти миллиардов знаков. Полнейшее безумие.

– Это невозможно! – воскликнула она наконец. – Вы проверили сигналы ошибки? Быть может, в «ТРАНСТЕКСТЕ» какой-нибудь сбой и...

– Все в полном порядке.

– Но это значит, что пароль неимоверной длины!

Стратмор пожал плечами:

– Стандартный коммерческий алгоритм. Насколько я могу судить, пароль из шестидесяти четырех знаков.

В полном недоумении Сьюзан посмотрела в окно кабинета на видневшийся внизу «ТРАНСТЕКСТ». Она точно знала, что на такой пароль уходит меньше десяти минут.

– Должно ведь быть какое-то объяснение.

– Оно есть, – кивнул Стратмор. – Тебя оно не обрадует.

– В «ТРАНСТЕКСТЕ» сбой?

– «ТРАНСТЕКСТ» в полном порядке.

– Вирус?

– Никакого вируса нет. Выслушай меня внимательно, – попросил Стратмор.

Сьюзан была ошеломлена. «ТРАНСТЕКСТ» еще никогда не сталкивался с шифром, который не мог бы взломать менее чем за один час. Обычно же открытый текст поступал на принтер Стратмора за считанные минуты. Она взглянула на скоростное печатное устройство позади письменного стола шефа. В нем ничего не было.

– Сьюзан, – тихо сказал Стратмор, – с этим сначала будет трудно свыкнуться, но все же послушай меня хоть минутку. – Он прикусил губу. – Шифр, над которым работает «ТРАНСТЕКСТ», уникален. Ни с чем подобным мы еще не сталкивались. – Он замолчал, словно подбирая нужные слова. – Этот шифр взломать невозможно.

Сьюзан посмотрела на него и едва не рассмеялась. *Невозможно? Что это должно означать?* Такого понятия, как шифр, не поддающийся взлому, не существует: на некоторые из них требуется больше времени, но любой шифр можно вскрыть. Есть математическая гарантия, что рано или поздно «ТРАНСТЕКСТ» отыщет нужный пароль.

– Простите?

– Шифр не поддается взлому, – сказал он безучастно.

Не поддается? Сьюзан не могла поверить, что это сказал человек, двадцать семь лет работавший с шифрами.

– Не поддается, сэр? – с трудом произнесла она. – А как же принцип Бергофского?

О принципе Бергофского Сьюзан узнала еще в самом начале своей карьеры. Это был краеугольный камень метода «грубой силы». Именно этим принципом вдохновлялся Стратмор, приступая к созданию «ТРАНСТЕКСТА». Он недвусмысленно гласит, что если ком-

пьютер переберет достаточное количество ключей, то есть математическая гарантия, что он найдет правильный. Безопасность шифра не в том, что нельзя найти ключ, а в том, что у большинства людей для этого нет ни времени, ни необходимого оборудования.

Стратмор покачал головой:

– Это шифр совершенно иного рода.

– Иного рода? – Сьюзан смотрела на него вопрошающе. *Невзламываемый шифр – математическая бессмыслица! Он это отлично знает!*

Стратмор провел рукой по вспотевшему лбу.

– Этот шифр есть продукт нового типа шифровального алгоритма, с таким нам еще не приходилось сталкиваться.

Эти слова повергли Сьюзан в еще большее смятение. Шифровальный алгоритм – это просто набор математических формул для преобразования текста в шифр. Математики и программисты каждый день придумывают новые алгоритмы. На рынке их сотни – PGP, Diffie-Hellman, ZIP, IDEA, El Gamal. «ТРАНСТЕКСТ» ежедневно без проблем взламывает эти шифры. Для него все шифры выглядят одинаково, независимо от алгоритма, на основе которого созданы.

– Не понимаю, – сказала она. – Мы же говорим не о реверсии какой-либо сложной функции, а о грубой силе. PGP, Lucifer, DSA – не важно. Алгоритм создает шифр, который кажется абсолютно стойким, а «ТРАНСТЕКСТ» перебирает все варианты, пока не находит ключ.

Стратмор ответил ей тоном учителя, терпеливого и умеющего держать себя в руках:

– Да, Сьюзан, «ТРАНСТЕКСТ» всегда найдет шифр, каким бы длинным он ни был. – Он выдержал длинную паузу. – Если только...

Сьюзан хотела что-то сказать, но поняла, что сейчас-то Стратмор и взорвет бомбу. *Если только – что?*

– Если только компьютер понимает, взломал он шифр или нет.

Сьюзан чуть не свалилась со стула.

– Что?!

– Может случиться так, что компьютер, найдя нужный ключ, продолжает поиски, как бы не понимая, что нашел то, что искал. – Стратмор смотрел на нее отсутствующим взглядом. – Я полагаю, у этого алгоритма меняющийся открытый текст.

Сьюзан затаила дыхание.

Первое упоминание о меняющемся открытом тексте впервые появилось в забытом докладе венгерского математика Джозефа Харне, сделанном в 1987 году. Ввиду того что компьютеры, действующие по принципу грубой силы, отыскивают шифр путем изучения открытого текста на предмет наличия в нем узнаваемых словосочетаний, Харне предложил шифровальный алгоритм, который, помимо шифрования, постоянно видоизменял открытый текст. Теоретически постоянная мутация такого рода должна привести к тому, что компьютер, атакующий шифр, никогда не найдет узнаваемое словосочетание и не «поймет», нашел ли он искомый ключ. Вся эта концепция чем-то напоминала идею колонизации Марса – на интеллектуальном уровне вполне осуществимую, но в настоящее время выходящую за границы человеческих возможностей.

– Откуда вы взяли этот файл? – спросила она.

Коммандер не спешил с ответом:

– Автор алгоритма – частное лицо.

– Как же так? – Сьюзан откинулась на спинку стула. – У нас внизу работают лучшие программисты в мире! И мы нашими совместными усилиями даже близко не подошли к математической функции меняющегося открытого текста. А вы хотите сказать, что какой-то панк с персональным компьютером придумал, как это сделать?

Стратмор заговорил тише, явно желая ее успокоить:

– Я бы не назвал этого парня панком.

Но Сьюзан его не слушала. Она была убеждена, что должно найтись какое-то другое объяснение. Сбой. Вирус. Все, что угодно, только не шифр, не поддающийся взлому.

Стратмор сурово посмотрел на нее.

– Этот алгоритм создал один самых блестящих умов в криптографии.

Сьюзан пришла в еще большее смятение: самые блестящие умы в криптографии работают в ее отделе, и уж она-то наверняка хоть что-нибудь услышала бы об этом алгоритме.

– Кто? – требовательно сказала она.

– Уверен, ты догадаешься сама, – сказал Стратмор. – Он не очень любит Агентство национальной безопасности.

– Какая редкость! – саркастически парировала Сьюзан.

– Он участвовал в разработке «ТРАНСТЕКСТА». Он нарушил правила. Из-за него чуть было не произошел полный крах нашей разведки. Я его выгнал.

На лице Сьюзан на мгновение мелькнуло недоумение. Она побледнела и прошептала:

– О Боже...

Стратмор утвердительно кивнул, зная, что она догадалась.

– Он целый год хвастался, что разрабатывает алгоритм, непробиваемый для грубой силы.

– Н-но... – Сьюзан запнулась, но тут же продолжила: – Я была уверена, что он блефует. Он действительно это сделал?

– Да. Создатель последнего шифра, который никто никогда не взламывает.

Сьюзан долго молчала.

– Но... это значит...

Стратмор посмотрел ей прямо в глаза:

– Да. Энсей Танкадо только что превратил «ТРАНСТЕКСТ» в устаревшую рухлядь.

Глава 6

Хотя Энсей Танкадо еще не родился, когда шла Вторая мировая война, он тщательно изучал все, что было о ней написано, – особенно о кульминации войны, атомном взрыве, в огне которого сгорело сто тысяч его соотечественников.

Хиросима, 6 августа 1945 года, 8.15 утра. Акт безжалостного уничтожения. Бесчувственная демонстрация силы страной, уже добившейся победы. С этим Танкадо сумел примириться. Но он не смог примириться с тем, что этот взрыв лишил его возможности познакомиться с собственной матерью. Произведя его на свет, она умерла из-за осложнений, вызванных радиационным поражением, от которого страдала многие годы.

В 1945 году, когда Энсей еще не родился, его мать вместе с другими добровольцами поехала в Хиросиму, где работала в одном из ожоговых центров. Там она и стала тем, кого японцы именуют *хибакуся* – человеком, подвергшимся облучению. Через девятнадцать лет, в возрасте тридцати шести лет, она лежала в родильном отделении больницы, страдая от внутреннего кровотечения, и знала, что умирает. Она не знала лишь того, что смерть избавит ее от еще большего ужаса: ее единственный ребенок родится калекой.

Отец Энсея так ни разу и не взглянул на сына. Ошеломленный потерей жены и появлением на свет неполноценного, по словам медсестер, ребенка, которому скорее всего не удастся пережить ночь, он исчез из больницы и больше не вернулся. Энсея Танкадо отдали в приемную семью.

Каждую ночь юный Танкадо смотрел на свои скрюченные пальцы, вцепившиеся в куклу Дарума,¹ и клялся, что отомстит – отомстит стране, которая лишила его матери, а отца заставила бросить его на произвол судьбы. Не знал он только одного – что в его планы вмешается судьба.

В феврале того года, когда Энсею исполнилось двенадцать, его приемным родителям позвонили из токийской фирмы, производящей компьютеры, и предложили их сыну-калеке принять участие в испытаниях новой клавиатуры, которую фирма сконструировала для детей с физическими недостатками. Родители согласились.

Хотя Энсей Танкадо никогда прежде не видел компьютера, он как будто инстинктивно знал, как с ним обращаться. Компьютер открыл перед ним мир, о существовании которого он даже не подозревал, и вскоре заполнил всю его жизнь. Повзрослев, он начал давать компьютерные уроки, зарабатывать деньги и в конце концов получил стипендию для учебы в Университете Досия. Вскоре слава о *фугуся-кисай*, гениальном калеке, облетела Токио.

Со временем Танкадо прочитал о Пёрл-Харборе и военных преступлениях японцев. Ненависть к Америке постепенно стихала. Он стал истовым буддистом и забыл детские клятвы о мести; умение прощать было единственным путем, ведущим к просветлению.

К двадцати годам Энсей Танкадо стал своего рода культовой фигурой, представителем программистского андеграунда. Компания «Ай-би-эм» предоставила ему визу и предложила работу в Техасе. Танкадо ухватился за это предложение. Через три года он ушел из «Ай-би-эм», поселился в Нью-Йорке и начал писать программы. Его подхватила новая волна увлечения криптографией. Он писал алгоритмы и зарабатывал неплохие деньги.

Как и большинство талантливых программистов, Танкада сделался объектом настойчивого внимания со стороны АНБ. От него не ускользнула ирония ситуации: он получал возможность работать в самом сердце правительства страны, которую поклялся ненавидеть до конца своих дней. Энсей решил пойти на собеседование. Сомнения, которые его одолевали, исчезли, как только он встретился с командером Стратмором. У них состоялся

¹ Дарума – кукла, изображающая божество буддийского пантеона. У нее отсутствуют руки и ноги. – *Примеч. ред.*

откровенный разговор о его происхождении, о потенциальной враждебности, какую он мог испытывать к Соединенным Штатам, о его планах на будущее. Танкадо прошел проверку на полиграф-машине и пережил пять недель интенсивного психологического тестирования. И с успехом его выдержал. Ненависть в его сердце уступила место преданности Будде. Еще через четыре месяца Энсей Танкадо приступил к работе в Отделении криптографии Агентства национальной безопасности США.

Несмотря на солидный заработок, Танкадо ездил на службу на стареньком мопеде и обедал в одиночестве за своим рабочим столом, вместо того чтобы вместе с сослуживцами поглощать котлеты из телятины и луковый суп с картофелем – фирменные блюда местной столовой. Энсей пользовался всеобщим уважением, работал творчески, с блеском, что дано немногим. Он был добрым и честным, выдержанным и безукоризненным в общении. Самым главным для него была моральная чистота. Именно по этой причине увольнение из АНБ и последующая депортация стали для него таким шоком.

Танкадо, как и остальные сотрудники шифровалки, работал над проектом «ТРАНСТЕКСТА», будучи уверенным, что в случае успеха эта машина будет использоваться для расшифровки электронной почты только с санкции министерства юстиции. Использование «ТРАНСТЕКСТА» Агентством национальной безопасности должно было регулироваться примерно так же, как в случае ФБР, которому для установки подслушивающих устройств необходимо судебное постановление. Программное обеспечение «ТРАНСТЕКСТА» по раскрытию кодов должно храниться в Федеральной резервной системе и министерстве юстиции. Это должно было гарантировать, что АНБ не сможет перехватывать частную переписку законопослушных граждан во всем мире.

Однако когда настало время загрузки программного обеспечения, персоналу, работавшему с «ТРАНСТЕКСТОМ», объявили, что планы изменились. В связи с чрезвычайной обстановкой, в которой обычно осуществляется антитеррористическая деятельность АНБ, «ТРАНСТЕКСТ» станет независимым инструментом дешифровки, использование которого будет регулироваться исключительно самим АНБ.

Энсей Танкадо был возмущен. Получалось, что АНБ фактически получило возможность вскрывать всю почту и затем пересылать ее без какого-либо уведомления. Это было все равно что установить «жучки» во все телефонные аппараты на земле. Стратмор попытался убедить Танкадо, что «ТРАНСТЕКСТ» – это орудие охраны правопорядка, но безуспешно: Танкадо продолжал настаивать на том, что это грубейшее нарушение гражданских прав. Он немедленно уволился и сразу же нарушил Кодекс секретности АНБ, попытавшись вступить в контакт с Фондом электронных границ. Танкадо решил потрясти мир рассказом о секретной машине, способной установить тотальный правительственный контроль над пользователями компьютеров по всему миру. У АНБ не было иного выбора, кроме как остановить его любой ценой.

Арест и депортация Танкадо, широко освещавшиеся средствами массовой информации, стали печальным и позорным событием. Вопреки желанию Стратмора специалисты по заделыванию прорех такого рода, опасаясь, что Танкадо попытается убедить людей в существовании «ТРАНСТЕКСТА», начали распускать порочащие его слухи. Энсей Танкадо стал изгоем мирового компьютерного сообщества: никто не верил калеке, обвиняемому в шпионаже, особенно когда он пытался доказать свою правоту, рассказывая о какой-то фантастической дешифровальной машине АНБ.

Самое странное заключалось в том, что Танкадо, казалось, понимал, что таковы правила игры. Он не дал волю гневу, а лишь преисполнился решимости. Когда службы безопасности выдворяли его из страны, он успел сказать несколько слов Стратмору, причем произнес их с ледяным спокойствием:

– Мы все имеем право на тайну. И я постараюсь это право обеспечить.

Глава 7

Мозг Сьюзан лихорадочно работал: *Энсей Танкадо написал программу, с помощью которой можно создавать шифры, не поддающиеся взлому!* Она никак не могла свыкнуться с этой мыслью.

– «Цифровая крепость», – сказал Стратмор. – Так назвал ее Танкадо. Это новейшее оружие, направленное против разведслужб. Если эта программа попадет на рынок, любой третьеклассник, имеющий модем, получит возможность отправлять зашифрованные сообщения, которые АНБ не сможет прочесть. Это означает конец нашей разведки.

Но мысли Сьюзан были далеко от политических последствий создания «Цифровой крепости». Она пыталась осознать истинный смысл случившегося. Всю свою жизнь она посвятила взламыванию шифров, отвергая саму возможность разработки абсолютно стойкого шифра. *«Любой шифр можно взломать» – так гласит принцип Бергофского!* Она чувствовала себя атеистом, лицом к лицу столкнувшимся с Господом Богом.

– Если этот шифр станет общедоступным, – прошептала она, – криптография превратится в мертвую науку.

Стратмор кивнул:

– Это наименьшая из наших проблем.

– Не можем ли мы подкупить Танкадо? Я знаю, он нас ненавидит, но что, если предложить ему несколько миллионов долларов? Убедить не выпускать этот шифр из рук?

Стратмор рассмеялся:

– Несколько миллионов? Ты понимаешь, сколько стоит эта штука? Любое правительство выложит любые деньги. Можешь ли ты представить себе, как мы будем докладывать президенту, что перехватили сообщения иракцев, но не в состоянии их прочитать? И дело тут не только в АНБ, речь идет обо всем разведывательном сообществе. Наша машина обеспечивает информацией ФБР, ЦРУ, Агентство по борьбе с наркотиками – всем им теперь придется действовать вслепую. Не удастся отслеживать перемещение грузов наркокартелей, крупные корпорации смогут переводить деньги, не оставляя никакого следа и держа Налоговое управление в полном неведении, террористы будут в полной тайне готовить свои акции. Результатом будет полнейший хаос.

– А Фонд электронных границ будет праздновать победу, – побледнела Сьюзан.

– Фонд понятия не имеет о том, чем мы тут занимаемся, – презрительно бросил Стратмор. – Если бы они знали, сколько террористических нападений мы предотвратили благодаря тому, что можем взламывать шифры, они запели бы по-другому.

Сьюзан была согласна с этим, но в то же время прекрасно понимала: Фонд электронных границ никогда не узнает, насколько важен и нужен «ТРАНСТЕКСТ». Эта машина помогла предотвратить десятки преступлений, но связанная с ней информация строго засекречена и никогда не будет раскрыта. Причина такой секретности проста: правительство не может допустить массовой истерии. Никто не знает, как поведет себя общество, узнав, что группы фундаменталистов дважды за прошлый год угрожали ядерным объектам, расположенным на территории США.

Ядерное нападение было, однако, не единственной угрозой. Только в прошлом месяце благодаря «ТРАНСТЕКСТУ» удалось предотвратить одну из самых изощренных террористических акций, с которыми приходилось сталкиваться агентству. Некая антиправительственная организация разработала план под кодовым названием «Шервудский лес». Его целью была Нью-Йоркская фондовая биржа, а замыслом – «перераспределение богатства». За шесть дней члены группы установили в зданиях вокруг биржи двадцать семь взрывоопасных легкоплавких контейнеров. Одновременный подрыв этих тщательно замаскиро-

ванных устройств должен был создать магнитное поле такой мощности, что вся информация на магнитных носителях – жестких дисках компьютеров, в постоянных запоминающих устройствах, в резервных файлах и даже на гибких дисках – оказалась бы стерта. Все данные, свидетельствующие о том, кто чем владел, должны были исчезнуть навсегда.

Поскольку для одновременного подрыва устройств была необходима точнейшая координация действий, все эти изделия были связаны между собой телефонными линиями через Интернет. Двое суток встроенные часы устройств обменивались бесконечными потоками зашифрованной синхронизирующейся информации. АНБ, перехватывая эти информационные импульсы, игнорировало их, считая аномалией сети, безобидной тарабарщиной. Но когда «ТРАНСТЕКСТ» расшифровал эти потоки информации, аналитики тут же увидели в них синхронизированный через Интернет отсчет времени. Устройства были обнаружены и удалены за целых три часа до намеченного срока взрыва.

Сьюзан знала, что без «ТРАНСТЕКСТА» агентство беспомощно перед современным электронным терроризмом. Она взглянула на работающий монитор. Он по-прежнему показывал время, превышающее пятнадцать часов. Даже если файл Танкадо будет прочитан прямо сейчас, это все равно будет означать, что АНБ идет ко дну. С такими темпами шифровка сумеет вскрывать не больше двух шифров в сутки. В то время как даже при нынешнем рекорде – сто пятьдесят вскрытых шифров в день – они не успевают расшифровывать всю перехватываемую информацию.

– Танкадо звонил мне в прошлом месяце, – сказал Стратмор, прервав размышления Сьюзан.

– Танкадо звонил вам? – удивилась она.

Он кивнул:

– Чтобы предупредить.

– Предупредить? Он же вас ненавидит.

– Он позвонил и предупредил, что заканчивает работу над алгоритмом, создающим абсолютно стойкие шифры. Я ему не поверил.

– Но зачем он вам об этом сообщил? – спросила Сьюзан. – Хотел предложить вам купить этот алгоритм?

– Нет. Это был шантаж.

Все встало на свои места.

– Ну конечно, – сказала она, все еще не в силах поверить в произошедшее. – Он хотел, чтобы вы восстановили его доброе имя.

– Нет, – хмуро сказал Стратмор. – Танкадо потребовал «ТРАНСТЕКСТ».

– «ТРАНСТЕКСТ»?

– Да. Он потребовал, чтобы я публично, перед всем миром, рассказал о том, что у нас есть «ТРАНСТЕКСТ». Он сказал, что, если мы признаем, что можем читать электронную почту граждан, он уничтожит «Цифровую крепость».

Сьюзан смотрела на него с сомнением.

Стратмор пожал плечами:

– Так или иначе, уже слишком поздно. Он разместил бесплатный образец «Цифровой крепости» на своем сайте в Интернете. Теперь его скачать может кто угодно.

Сьюзан побледнела:

– Что?

– Это рекламный ход. Не стоит волноваться. Копия, которую он разместил, зашифрована. Ее можно скачать, но нельзя открыть. Очень хитро придумано. Ключ к «Цифровой крепости» зашифрован и недоступен.

– Ну разумеется! – Она только сейчас поняла смысл сказанного. – Все смогут скачать, но никто не сможет воспользоваться.

– Совершенно верно. Танкадо размахивает морковкой.

– Вы видели этот алгоритм?

Коммандера удивил ее вопрос.

– Нет. Я же объяснил тебе, что он зашифрован.

Сьюзан, в свою очередь, удивил ответ шефа.

– Но ведь у нас есть «ТРАНСТЕКСТ», почему бы его не расшифровать? – Но, увидев выражение лица Стратмора, она поняла, что правила игры изменились. – О Боже, – проговорила Сьюзан, сообразив, в чем дело, – «Цифровая крепость» зашифровала самое себя?

Стратмор невесело улыбнулся:

– Наконец ты поняла.

Формула «Цифровой крепости» зашифрована с помощью «Цифровой крепости». Танкадо предложил бесценный математический метод, но зашифровал его. Зашифровал, используя этот самый метод.

– Сейф Бигглмана, – протянула Сьюзан.

Стратмор кивнул. Сейф Бигглмана представляет собой гипотетический сценарий, когда создатель сейфа прячет внутри его ключ, способный его открыть. Чтобы ключ никто не нашел, Танкадо проделал то же самое с «Цифровой крепостью». Он спрятал свой ключ, зашифровав его формулой, содержащейся в этом ключе.

– А что за файл в «ТРАНСТЕКСТЕ»? – спросила Сьюзан.

– Я, как и все прочие, скачал его с сайта Танкадо в Интернете. АНБ является счастливым обладателем алгоритма «Цифровой крепости», просто мы не в состоянии его открыть.

Сьюзан не могла не восхититься умом Танкадо. Не открыв своего алгоритма, он доказал АНБ, что тот не поддается дешифровке.

Стратмор протянул Сьюзан газетную вырезку. Это был перевод рекламного сообщения «Никкей симбун», японского аналога «Уолл-стрит джорнал», о том, что японский программист Энсей Танкадо открыл математическую формулу, с помощью которой можно создавать не поддающиеся взлому шифры. Формула называется «Цифровая крепость», говорилось в заметке, и доступна для ознакомления в Интернете. Программист намеревался выставить ее на аукционе и отдать тому, кто больше всех заплатит. Далее в заметке сообщалось, что, хотя алгоритм вызвал громадный интерес в Японии, несколько американских производителей программного обеспечения, прослышавших о «Цифровой крепости», считают эту информацию нелепой – чем-то вроде обещания превратить свинец в золото. Формула, утверждают они, – это мистификация, к которой не следует относиться серьезно.

– Аукцион? – Сьюзан подняла глаза.

Стратмор кивнул:

– Как раз сейчас японские компании скачивают зашифрованную версию «Цифровой крепости» и пытаются ее взломать. С каждой минутой, уходящей на эти бесплодные попытки, ее цена растет.

– Но это же абсурд, – не согласилась Сьюзан. – Ни один из новых шифрованных файлов нельзя вскрыть без «ТРАНСТЕКСТА». Вероятно, «Цифровая крепость» – это стандартный алгоритм для общего пользования, тем не менее эти компании не смогут его вскрыть.

– Это блистательная рекламная операция, – сказал Стратмор. – Только подумай – все виды пуленепробиваемого стекла непроницаемы для пули, но если компания предлагает вам попробовать пробить ее стекло, все хотят это сделать.

– И японцы действительно верят, что «Цифровая крепость» – это нечто особенное? Самое лучшее из того, что можно найти на рынке?

– Должно быть, Танкадо держится в стороне от таких вещей, но всем известно, что он гений. Это культовая фигура, икона в мире хакеров. Если Танкадо говорит, что алгоритм не поддается взлому, значит, так оно и есть.

– Но ведь для обычных пользователей они все не поддаются взлому!

– Верно... – Стратмор задумался. – На какое-то время.

– Что это значит?

Стратмор вздохнул:

– Двадцать лет назад никто не мог себе представить, что мы научимся взламывать ключи объемом в двенадцать бит. Но технология не стоит на месте. Производители программного обеспечения исходят из того, что рано или поздно появятся компьютеры типа «ТРАНСТЕКСТА». Технология развивается в геометрической прогрессии, и рано или поздно алгоритмы, которыми пользуется общество, перестанут быть надежными. Понадобятся лучшие алгоритмы, чтобы противостоять компьютерам завтрашнего дня.

– Такова «Цифровая крепость»?

– Конечно. Алгоритм, не поддающийся «грубой силе», никогда не устареет, какими бы мощными ни стали компьютеры, взламывающие шифры. Когда-нибудь он станет мировым стандартом.

Сьюзан глубоко вздохнула.

– Да поможет нам Бог, – прошептала она. – Мы можем принять участие в аукционе?

Стратмор покачал головой:

– Танкадо дал нам шанс. Это совершенно ясно. Тем не менее риск велик: если нас обнаружат, это, в сущности, будет означать, что он своим алгоритмом нас напугал. Нам придется публично признать не только то, что мы имеем «ТРАНСТЕКСТ», но и то, что «Цифровая крепость» неприступна.

– Каким временем мы располагаем?

Стратмор нахмурился:

– Танкадо намерен назвать победителя аукциона завтра в полдень.

Сьюзан почувствовала, что у нее сводит желудок.

– А что потом?

– Он говорит, что вручит победителю ключ.

– Ключ?

– В этом и заключается его замысел. Алгоритм есть уже у всех. Танкадо предлагает ключ, с помощью которого его можно расшифровать.

– Понятно. – Она застонала. Все четко, ясно и просто. Танкадо зашифровал «Цифровую крепость», и только ему известен ключ, способный ее открыть. Но Сьюзан трудно было представить себе, что где-то – например, на клочке бумаги, лежащем в кармане Танкадо, – записан ключ из шестидесяти четырех знаков, который навсегда положит конец сбору разведывательной информации в Соединенных Штатах.

Ей стало плохо, когда она представила себе подобное развитие событий. Танкадо передает ключ победителю аукциона, и получившая его компания вскрывает «Цифровую крепость». Затем она, наверное, вмонтирует алгоритм в защищенный чип, и через пять лет все компьютеры будут выпускаться с предустановленным чипом «Цифровой крепости».

Никакой коммерческий производитель и мечтать не мог о создании шифровального чипа, потому что нормальные алгоритмы такого рода со временем устаревают. Но «Цифровая крепость» никогда не устареет: благодаря функции меняющегося открытого текста она выдержит людскую атаку и не выдаст ключа. Новый стандарт шифрования. Отныне и навсегда. Шифры, которые невозможно взломать. Банкиры, брокеры, террористы, шпионы – один мир, один алгоритм. Анархия.

– Какой у нас выбор? – спросила Сьюзан. Она хорошо понимала, что в отчаянной ситуации требуются отчаянные меры, в том числе и от АНБ.

– Мы не можем его устранить, если ты это имела в виду.

Именно это она и хотела узнать. За годы работы в АНБ до нее доходили слухи о неофициальных связях агентства с самыми искусными киллерами в мире – наемниками, выполняющими за разведывательные службы всю грязную работу.

– Танкадо слишком умен, чтобы предоставить нам такую возможность, – возразил Стратмор.

Сьюзан испытала от этих слов странное облегчение.

– У него есть охрана?

– В общем-то нет.

– Он прячется в укрытии?

Стратмор пожал плечами.

– Танкадо выехал из Японии. Он собирался следить за ходом аукциона по телефону.

Но нам известно, где он.

– И вы не хотите ничего предпринять?

– Нет. Он подстраховался – передал копию ключа анонимной третьей стороне на тот случай... ну, если с ним что-нибудь случится.

«Это можно было предвидеть, – подумала Сьюзан. – Ангел-хранитель».

– И, полагаю, если с Танкадо что-нибудь случится, эта загадочная личность продаст ключ?

– Хуже. Если Танкадо убьют, этот человек опубликует пароль.

– Его партнер опубликует ключ? – недоуменно переспросила Сьюзан.

Стратмор кивнул:

– Он разместит его в Интернете, напечатает в газетах, на рекламных щитах. Короче, он *отдаст* ключ публике.

Глаза Сьюзан расширились.

– Предоставит для бесплатного скачивания?

– Именно так. Танкадо рассудил, что, если он погибнет, деньги ему не понадобятся, – так почему бы не вручить миру маленький прощальный подарок?

Оба замолчали. Сьюзан глубоко дышала, словно пытаясь вобрать в себя ужасную правду. *Энсей Танкадо создал не поддающийся взлому код. Он держит нас в заложниках.*

Внезапно она встала. В голосе ее прозвучала удивительная решимость:

– Мы должны установить с ним контакт! Должен быть способ убедить его не выпускать ключ из рук! Мы обязаны устроить самое высокое сделанное ему предложение. Мы можем восстановить его репутацию. Мы должны пойти на все!

– Слишком поздно, – сказал Стратмор. Он глубоко вздохнул. – Сегодня утром Энсея Танкадо нашли мертвым в городе Севилья, в Испании.

Глава 8

Двухмоторный «Лирджет-60» коснулся раскаленной посадочной полосы. Голый ландшафт испанской нижней Эстремадуры бежал за окном, слившись в неразличимый фон, затем замедлил свой бег.

– Мистер Беккер! – послышался голос. – Мы на месте.

Беккер встал и потянулся. Открыв полку над головой, он вспомнил, что багажа у него нет. Времени на сборы ему не дали, да какая разница: ему же обещали, что путешествие будет недолгим – туда и обратно.

Двигатели снизили обороты, и самолет с залитого солнцем летного поля въехал в пустой ангар напротив главного терминала. Вскоре появился пилот и открыл люк. Беккер быстро допил остатки клюквенного сока, поставил стакан на мокрую столешницу и надел пиджак.

Пилот достал из летного костюма плотный конверт.

– Мне поручено передать вам это. – Он протянул конверт Беккеру, и тот прочитал надпись, сделанную синими чернилами: «Сдачу возьмите себе».

Беккер открыл конверт и увидел толстую пачку красноватых банкнот.

– Что это?

– Местная валюта, – безучастно сказал пилот.

– Я понимаю. – Беккер запнулся. – Но тут... тут слишком много. Мне нужны только деньги на такси. – Он прикинул в уме, сколько в этой пачке в пересчете на доллары. – Да тут несколько тысяч долларов!

– Я действую по инструкции, сэр. – Пилот повернулся и скрылся в кабине. Дверца за ним захлопнулась.

Беккер спустился вниз, постоял, глядя на самолет, потом опустил глаза на пачку денег в руке. Постояв еще некоторое время в нерешительности, он сунул конверт во внутренний карман пиджака и зашагал по летному полю. Странное начало. Он постарался выкинуть этот эпизод из головы. Если повезет, он успеет вернуться и все же съездить с Сьюзан в их любимый «Стоун-Мэнор».

«Туда и обратно, – повторил он себе. – Туда и обратно».

Если бы он тогда знал...

Глава 9

Техник систем безопасности Фил Чатрукьян собирался заглянуть в шифровалку на минуту-другую – только для того, чтобы взять забытые накануне бумаги. Но вышло иначе.

Пройдя помещение шифровалки и зайдя в лабораторию систем безопасности, он сразу почувствовал что-то неладное. Компьютер, который постоянно отслеживал работу «ТРАНСТЕКСТА», оказался выключен, вокруг не было ни души.

– Эй! – крикнул Чатрукьян.

Ответа не последовало. В лаборатории царил образцовый порядок, словно здесь никто не появлялся уже много часов.

Чатрукьяну было всего двадцать три года, и он относительно недавно начал работать в команде обеспечения безопасности, однако был хорошо подготовлен и отлично знал правила: в шифровалке постоянно дежурил кто-то из работников его службы... особенно по субботам, когда не было криптографов.

Он немедленно включил монитор и повернулся к графику дежурств на стене.

– Чья смена? – громко спросил он, пробегая глазами список. Согласно расписанию, в полночь должен был заступить на двойную смену новый сотрудник по имени Зейденберг. Чатрукьян еще раз обвел глазами пустую лабораторию и нахмурился. – Где же он, черт возьми?

Глядя на оживающий монитор, он подумал, известно ли Стратмору, что в лаборатории систем безопасности нет ни души. Подходя к шифровалке, он успел заметить, что шторы кабинета шефа задернуты. Это означало, что тот находится на рабочем месте. Несмотря на субботу, в этом не было ничего необычного; Стратмор, который просил шифровальщиков отдыхать по субботам, сам работал, кажется, 365 дней в году.

В одном Чатрукьян был абсолютно уверен: если шеф узнает, что в лаборатории систем безопасности никого нет, это будет стоить молодому сотруднику места. Чатрукьян посмотрел на телефонный аппарат и подумал, не позвонить ли этому парню: в лаборатории действовало неписаное правило, по которому сотрудники должны прикрывать друг друга. В шифровалке они считались людьми второго сорта и не очень-то ладили с местной элитой. Ни для кого не было секретом, что всем в этом многомиллиардном курятнике управляли шифровальщики. Сотрудников же лаборатории безопасности им приходилось терпеть, потому что те обеспечивали бесперебойную работу их игрушек.

Чатрукьян принял решение и поднял телефонную трубку, но поднести ее к уху не успел. Он замер, когда его взгляд упал на монитор. Как при замедленной съемке, он положил трубку на место и впился глазами в экран.

За восемь месяцев работы в лаборатории Фил Чатрукьян никогда не видел цифр в графе отсчета часов на мониторе «ТРАНСТЕКСТА» что-либо иное, кроме двух нулей. Сегодня это случилось впервые.

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ: 15:17:21

– Пятнадцать часов семнадцать минут? – Он не верил своим глазам. – Это невозможно!

Он перезагрузил монитор, надеясь, что все дело в каком-то мелком сбое. Но, ожив, монитор вновь показал то же самое.

Чатрукьяну вдруг стало холодно. У сотрудников лаборатории систем безопасности была единственная обязанность – поддерживать «ТРАНСТЕКСТ» «в чистоте», следить, чтобы в него не проникли вирусы. Он знал, что пятнадцатичасовой прогон может озна-

чать только одно: зараженный файл попал в компьютер и выводит из строя программу. Все, чему его учили, свидетельствовало о чрезвычайности ситуации. Тот факт, что в лаборатории систем безопасности никого нет, а монитор был выключен, больше не имело значения. Главное теперь – сам «ТРАНСТЕКСТ». Чатрукьян немедленно вывел на дисплей список файлов, загружавшихся в машину в последние сорок восемь часов, и начал его просматривать.

«Неужели попал зараженный файл? – подумал он. – Неужели фильтры безопасности что-то пропустили?»

В целях безопасности каждый файл, загруженный в «ТРАНСТЕКСТ», должен был пройти через устройство, именуемое «Сквозь строй», – серию мощных межсетевых шлюзов, пакетных фильтров и антивирусных программ, которые проверяли вводимые файлы на предмет компьютерных вирусов и потенциально опасных подпрограмм. Файлы, содержащие программы, «незнакомые» устройству, немедленно отвергались. Их затем проверяли вручную. Иногда отвергались абсолютно безвредные файлы – на том основании, что они содержали программы, с которыми фильтры прежде не сталкивались. В этом случае сотрудники лаборатории систем безопасности тщательно изучали их вручную и, убедившись в их чистоте, запускали в «ТРАНСТЕКСТ», минуя фильтры программы «Сквозь строй».

Компьютерные вирусы столь же разнообразны, как и те, что поражают человека. Подобно своим природным аналогам они преследуют одну цель – внедриться в организм и начать размножаться. В данном случае организмом является «ТРАНСТЕКСТ».

Чатрукьян всегда изумляло, что АНБ никогда прежде не сталкивалось с проблемой вирусов. «Сквозь строй» – надежная система, но ведь АНБ – ненасытный пожиратель информации, высасывающий ее из разнообразнейших источников по всему миру. Поглощение огромных объемов информации сродни беспорядочным половым связям: какие меры предосторожности ни принимай, рано или поздно подхватишь какую-нибудь гадость.

Чатрукьян просмотрел список и изумился еще больше. Все файлы прошли проверку, в них не было обнаружено ничего необычного, а это означало, что «ТРАНСТЕКСТ» безукоризненно чист.

«На что же уходит такая уйма времени?» – спросил он, обращаясь в пустоту и чувствуя, как покрывается потом. Наверное, придется потревожить этой новостью Стратмора.

«Проверка на наличие вируса, – решительно сказал он себе, стараясь успокоиться. – Я должен сделать проверку на наличие вируса».

Чатрукьян знал: это первое, чего в любом случае потребует Стратмор. Выглянув в пустую шифровку, он принял решение. На загрузку программы и поиск вируса уйдет минут пятнадцать.

«Скажи, что ничего нет, – прошептал он. – Абсолютно ничего. Скажи папе, что все в порядке».

Но нутром он чувствовал, что это далеко не так. Интуиция подсказывала ему, что в глубинах дешифровального чудовища происходит что-то необычное.

Глава 10

– Энсей Танкадо мертв? – Сьюзан почувствовала подступившую к горлу тошноту. – Вы его убили? Вы же сказали...

– Мы к нему пальцем не притронулись, – успокоил ее Стратмор. – Он умер от разрыва сердца. Сегодня утром звонили из КОМИНТа. Их компьютер через Интерпол засек имя Танкадо в регистратуре полиции Севильи.

– От разрыва сердца? – усомнилась Сьюзан. – Ему ведь всего тридцать лет.

– Тридцать два, – уточнил Стратмор. – У него был врожденный порок сердца.

– Никогда об этом не слышала.

– Так записано в его медицинской карточке. Он не очень-то об этом распространялся.

Сьюзан трудно было поверить в такое удачное совпадение.

– Его погубило слабое сердце – вот так просто? Слишком уж удобная версия.

Стратмор пожал плечами.

– Слабое сердце... да к тому же еще испанская жара. Не забывай и о сильнейшем стрессе, связанном с попыткой шантажировать наше агентство...

Сьюзан замолчала. Какими бы ни были обстоятельства, она почувствовала боль от потери талантливого коллеги-криптографа. Мрачный голос Стратмора вывел ее из задумчивости.

– Единственный луч надежды во всей этой печальной истории – то, что Танкадо путешествовал один. Есть шанс, что его партнер пока ничего не знает. Испанские власти обещали придержать информацию – столько, сколько смогут. Мы узнали об этом лишь благодаря оперативности КОМИНТа. – Стратмор внимательно посмотрел на нее. – Я должен найти его партнера, прежде чем он узнает о смерти Танкадо. Вот почему я тебя вызвал. Мне нужна твоя помощь.

Сьюзан плохо его понимала. Ей показалось, что столь своевременная кончина Танкадо решила все проблемы.

– Коммандер, – сказала она, – если власти говорят, что он умер от сердечного приступа, это значит, мы к его смерти не причастны. Его партнер поймет, что АНБ не несет за нее ответственности.

– Не несет ответственности? – Глаза Стратмора расширились от изумления. – Некто шантажирует АНБ и через несколько дней умирает – и мы не несем ответственности? Готов поспорить на любую сумму, что у партнера Танкадо будет иное мнение. Что бы ни произошло на самом деле, мы все равно выйдем виновными. Яд, фальсифицированные результаты вскрытия и так далее. – Стратмор выдержал паузу. – Какой была твоя первая реакция, когда я сообщил тебе о смерти Танкадо?

Сьюзан нахмурилась.

– Я подумала, что АНБ его ликвидировало.

– Вот именно. Если АНБ в состоянии вывести пять риолитовых спутников на геостационарную орбиту над Ближним Востоком, то, мне кажется, легко предположить, что у нас достаточно средств, чтобы подкупить несколько испанских полицейских. – Его доводы звучали волне убедительно.

Сьюзан перевела дыхание. *Энсей Танкадо умер. Вина ляжет на АНБ.*

– Мы успеем найти его партнера?

– Думаю, да. У нас есть кое-какие данные. Танкадо неоднократно публично заявлял, что у него есть партнер. Наверное, этим он надеялся помешать производителям программного обеспечения организовать нападение на него и выкрасть пароль. Он пригрозил, что в

случае нечестной игры его партнер обнаружит пароль, и тогда все эти фирмы сойдутся в схватке за то, что перестало быть секретом.

– Умно, – сказала Сьюзан.

Стратмор продолжал:

– Несколько раз Танкадо публично называл имя своего партнера. North Dakota. Северная Дакота.

– Северная Дакота? Разумеется, это кличка.

– Да, но я на всякий случай заглянул в Интернет, запустив поиск по этим словам. Я не надеялся что-либо найти, но наткнулся на учетную запись абонента. – Он выдержал паузу. – Я, конечно, предположил, что это не та Северная Дакота, которую мы ищем, но на всякий случай проверил эту запись. Представь себе мое изумление, когда я обнаружил множество сообщений Энсея Танкадо. – Стратмор приподнял брови. – В них постоянно упоминается «Цифровая крепость» и его планы шантажа АНБ.

Сьюзан отнеслась к словам Стратмора скептически. Ее удивило, что он так легко клюнул на эту приманку.

– Коммандер, – возразила она, – Танкадо отлично понимал, что АНБ может найти его переписку в Интернете, он никогда не стал бы доверять секреты электронной почте. Это ловушка. Энсей Танкадо всучил вам Северную Дакоту, так как он знал, что вы начнете искать. Что бы ни содержалось в его посланиях, он хотел, чтобы вы их нашли, – это ложный след.

– У тебя хорошее чутье, – парировал Стратмор, – но есть кое-что еще. Я ничего не нашел на Северную Дакоту, поэтому изменил направление поиска. В записи, которую я обнаружил, фигурирует другое имя – NDAKOTA.

Сьюзан покачала головой.

– Такие перестановки – стандартный прием. Танкадо знал, что вы испробуете различные варианты, пока не наткнетесь на что-нибудь подходящее. NDAKOTA – слишком простое изменение.

– Возможно, – сказал Стратмор, потом нацарапал несколько слов на бумажке и протянул ее Сьюзан. – Взгляни на это.

Прочитав написанное, Сьюзан поняла ход мысли коммандера. На бумажке был электронный адрес Северной Дакоты.

NDAKOTA@ARA.ANON.ORG

Ее внимание сразу же привлекли буквы ARA – сокращенное название «Анонимной рассылки Америки», хорошо известного анонимного сервера.

Такие серверы весьма популярны среди пользователей Интернета, желающих скрыть свои личные данные. За небольшую плату они обеспечивают анонимность электронной почты, выступая в роли посредников. Это все равно что номерной почтовый ящик: пользователь получает и отправляет почту, не раскрывая ни своего имени, ни адреса. Компания получает электронные сообщения, адресованные на подставное имя, и пересылает их на настоящий адрес клиента. Компания связана обязательством ни при каких условиях не раскрывать подлинное имя или адрес пользователя.

– Это не доказательство, – сказал Стратмор. – Но кажется довольно подозрительным.

Сьюзан кивнула.

– То есть вы хотите сказать, Танкадо не волновало, что кто-то начнет разыскивать Северную Дакоту, потому что его имя и адрес защищены компанией ARA?

– Верно.

Сьюзан на секунду задумалась.

– АРА обслуживает в основном американских клиентов. Вы полагаете, что Северная Дакота может быть где-то здесь?

– Возможно. – Стратмор пожал плечами. – Имея партнера в Америке, Танкадо мог разделить два ключа географически. Возможно, это хорошо продуманный ход.

Сьюзан попыталась осознать то, что ей сообщил командер. Она сомневалась, что Танкадо мог передать ключ какому-то человеку, который не приходился ему близким другом, и вспомнила, что в Штатах у него практически не было друзей.

– Северная Дакота, – вслух произнесла она, пытаясь своим умом криптографа проникнуть в скрытый смысл этого имени. – Что говорится в его посланиях на имя Танкадо?

– Понятия не имею. КОМИНТ засек лишь исходящую почту. В данный момент мы ничего не знаем про Северную Дакоту, кроме анонимного адреса.

– Возможно, это приманка, – предположила Сьюзан.

Стратмор вскинул брови.

– С какой целью?

– Танкадо мог посылать фиктивные сообщения на неиспользованный адрес в надежде, что мы его обнаружим и решим, что он обеспечил себе защиту. В таком случае ему не нужно будет передавать пароль кому-то еще. Возможно, он работал в одиночку.

Стратмор хмыкнул. Мысль Сьюзан показалась ему достойной внимания.

– Неплохо, но есть одно «но». Он не пользовался своими обычными почтовыми ящиками – ни домашним, ни служебными. Он бывал в Университете Досиса и использовал их главный компьютер. Очевидно, там у него был адрес, который он сумел утаить. Это хорошо защищенный почтовый ящик, и мне лишь случайно удалось на него наткнуться. – Он выдержал паузу. – Итак, если Танкадо хотел, чтобы мы обнаружили его почту, зачем ему понадобился секретный адрес?

Сьюзан снова задумалась.

– Может быть, для того, чтобы вы не заподозрили, что это приманка? Может быть, Танкадо защитил его ровно настолько, чтобы вы на него наткнулись и сочли, что вам очень повезло. Это придает правдоподобность его электронной переписке.

– Тебе следовало бы работать в полиции, – улыбнулся Стратмор. – Идея неплохая, но на каждое послание Танкадо, увы, поступает ответ. Танкадо пишет, его партнер отвечает.

– Убедительно. – Сьюзан нахмурилась. – Итак, вы полагаете, что Северная Дакота – реальное лицо.

– Боюсь, что так. И мы должны его найти. Найти *тихо*. Если он почует, что мы идем по его следу, все будет кончено.

Теперь Сьюзан точно знала, зачем ее вызвал Стратмор.

– Я, кажется, догадалась, – сказала она. – Вы хотите, чтобы я проникла в секретную базу данных АРА и установила личность Северной Дакоты?

Стратмор улыбнулся, не разжимая губ.

– Вы читаете мои мысли, мисс Флетчер.

Сьюзан Флетчер словно была рождена для тайных поисков в Интернете. Год назад высокопоставленный сотрудник аппарата Белого дома начал получать электронные письма с угрозами, отправляемые с некоего анонимного адреса. АНБ поручили разыскать отправителя. Хотя агентство имело возможность потребовать от переадресующей компании открыть ему имя этого клиента, оно решило прибегнуть к более изощренному методу – «следающему» устройству.

Фактически Сьюзан создала программу-маяк направленного действия, замаскированный под элемент электронной почты. Она отправляла его на фиктивный адрес этого клиента, и переадресующая компания, выполняя свои договорные обязательства, пересылала

этот маяк на подлинный адрес. Попав по назначению, программа фиксировала свое местонахождение в Интернете и передавала его в АНБ, после чего бесследно уничтожала маяк. Начиная с того дня, анонимные переадресующие компании перестали быть для АНБ источником серьезных неприятностей.

– Вы сможете его найти? – спросил Стратмор.

– Конечно. Почему вы не позвонили мне раньше?

– Честно говоря, – нахмурился Стратмор, – я вообще не собирался этого делать. Мне не хотелось никого в это впутывать. Я сам попытался отправить твой маячок, но ты использовала для него один из новейших гибридных языков, и мне не удалось привести его в действие. Он посылал какую-то тарабарщину. В конце концов пришлось смирить гордыню и вызвать тебя сюда.

Сьюзан это позабавило. Стратмор был блестящим программистом-криптографом, но его диапазон был ограничен работой с алгоритмами и тонкости этой не столь уж изощренной и устаревшей технологии программирования часто от него ускользали. К тому же Сьюзан написала свой маячок на новом гибридном языке, именуемом LIMBO, поэтому не приходилось удивляться, что Стратмор с ним не справился.

– Я возьму это на себя, – улыбнулась она, вставая. – Буду у своего терминала.

– Как ты думаешь, сколько времени это займет?

– Ну... – задумалась Сьюзан. – Это зависит от оперативности, с которой АРА пересылает почту. Если адресат находится в Штатах и пользуется такими провайдерами, как «Америка онлайн» или «Компьюсерв», я отслежу его кредитную карточку и получу его учетную запись в течение часа. Если он использует адрес университета или корпорации, времени уйдет немного больше. – Она через силу улыбнулась. – Остальное будет зависеть от вас.

Сьюзан знала, что «остальное» – это штурмовая группа АНБ, которая, перерезав электрические провода, ворвется в дом с автоматами, заряженными резиновыми пулями. Члены группы будут уверены, что производят облаву на наркodelьцов. Стратмор, несомненно, постарается проверить все лично и найти пароль из шестидесяти четырех знаков. Затем он его уничтожит, и «Цифровая крепость» навсегда исчезнет из Интернета.

– Действуй своим маячком очень осторожно, – сказал Стратмор. – Если Северная Дакота заподозрит, что мы его ищем, он начнет паниковать и исчезнет вместе с паролем, так что никакая штурмовая группа до него не доберется.

– Все произойдет, как булавоочный укол, – заверила его Сьюзан. – В тот момент, когда обнаружится его счет, маяк самоуничтожится. Танкадо даже не узнает, что мы побывали у него в гостях.

– Спасибо, – устало кивнул командер.

Сьюзан ответила ему теплой улыбкой. Ее всегда поражало, что даже в преддверии катастрофы Стратмор умел сохранять выдержку и спокойствие. Она была убеждена, что именно это качество определило всю его карьеру и вознесло на высшие этажи власти.

Уже направляясь к двери, Сьюзан внимательно посмотрела на «ТРАНСТЕКСТ». Она все еще не могла свыкнуться с мыслью о шифре, не поддающемся взлому. И взмолилась о том, чтобы они сумели вовремя найти Северную Дакоту.

– Поторопись, – крикнул ей вдогонку Стратмор, – и ты еще успеешь к ночи попасть в Смоки-Маунтинс!

От неожиданности Сьюзан застыла на месте. Она была уверена, что никогда не говорила с шефом о поездке. Она повернулась. «Неужели АНБ прослушивает мои телефонные разговоры?»

Стратмор виновато улыбнулся.

– Сегодня утром Дэвид рассказал мне о ваших планах. Он сказал, что ты будешь очень расстроена, если поездку придется отложить.

Сьюзан растерялась.

– Вы говорили с Дэвидом сегодня утром?

– Разумеется. – Стратмора, похоже, удивило ее недоумение. – Мне пришлось его проинструктировать.

– Проинструктировать? Относительно чего?

– Относительно его поездки. Я отправил Дэвида в Испанию.

Глава 11

Испания. «Я отправил Дэвида в Испанию». Слова командера словно обожгли Сьюзан. – Дэвид в Испании? – Она не могла поверить услышанному. – Вы отправили его в Испанию? – В ее голосе послышались сердитые нотки. – Зачем?

Стратмор казался озадаченным. Он не привык, чтобы кто-то повышал на него голос, пусть даже это был его главный криптограф. Он немного смешался. Сьюзан напряглась как тигрица, защищающая своего детеныша.

– Сьюзан, ты же говорила с ним! Разве Дэвид тебе не объяснил?

Она была слишком возбуждена, чтобы ответить. *Испания? Так вот почему Дэвид отложил поездку в «Стоун-Мэнор»!*

– Сегодня утром я послал за ним машину. Он сказал, что позвонит тебе перед вылетом. Прости, я думал...

– Зачем вы послали его в Испанию?

Стратмор выдержал паузу и посмотрел ей прямо в глаза.

– Чтобы он получил второй ключ.

– Что еще за второй ключ?

– Тот, что Танкадо держал при себе.

Сьюзан была настолько ошеломлена, что отказывалась понимать слова командера.

– О чем вы говорите?

Стратмор вздохнул.

– У Танкадо наверняка была при себе копия ключа в тот момент, когда его настигла смерть. И я меньше всего хотел, чтобы кто-нибудь в сеvilском морге завладел ею.

– И вы послали туда Дэвида Беккера? – Сьюзан все еще не могла прийти в себя. – Он даже не служит у вас!

Стратмор был поражен до глубины души. Никто никогда не позволял себе говорить с заместителем директора АНБ в таком тоне.

– Сьюзан, – проговорил он, стараясь сдержать раздражение, – в этом как раз все дело. Мне было нужно...

Но тигрица уже изготoвилась к прыжку.

– В вашем распоряжении двадцать тысяч сотрудников! С какой стати вы решили послать туда моего будущего мужа?

– Мне был нужен человек, никак не связанный с государственной службой. Если бы я действовал по обычным каналам и кто-то узнал...

– И Дэвид Беккер единственный, кто не связан с государственной службой?

– Разумеется, не единственный! Но сегодня в шесть часов утра события стали развиваться стремительно. Дэвид говорит по-испански, он умен, ему можно доверять, к тому же я подумал, что оказываю ему услугу!

– Услугу? – бурно отреагировала Сьюзан. – Послать его в Испанию значит оказать услугу?

– Да! Я заплачу ему десять тысяч долларов за один день работы. Он заберет личные вещи Танкадо и вернется домой. Разве это не услуга?

Сьюзан промолчала. Она поняла: все дело в деньгах.

Она перенеслась мыслями в тот вечер, когда президент Джорджтаунского университета предложил Дэвиду повышение – должность декана факультета лингвистики. Президент объяснил, что преподавательских часов будет меньше, бумажной работы больше, – но гораздо выше будет и жалованье. Сьюзан хотелось закричать: «Дэвид, не соглашайся! Это не принесет тебе радости. У нас много денег – какая разница, кто из нас их получает?» Но

это была чужая епархия. В конце концов ей пришлось смириться. Когда они в ту ночь отправились спать, она старалась радоваться с ним вместе, но что-то в глубине души говорило ей: все это кончится плохо. Она оказалась права, но никогда не подозревала насколько.

– Вы заплатили ему десять тысяч долларов? – Она повысила голос. – Это грязный трюк!

– Трюк? – Теперь уже Стратмор не мог скрыть свое раздражение. – Это вовсе не трюк! Да я вообще слова ему не сказал о деньгах. Я попросил оказать мне личную услугу. И он согласился поехать.

– Конечно, согласился! Вы же мой шеф! Вы заместитель директора АНБ! Он не мог отказаться!

– Ты права, – проворчал Стратмор. – Поэтому я его и попросил. Я не мог позволить себе роскошь...

– Директор знает, что вы послали в Испанию частное лицо?

– Сьюзан, – сказал Стратмор, уже теряя терпение, – директор не имеет к этому никакого отношения. Он вообще не в курсе дела.

Сьюзан смотрела на Стратмора, не веря своим ушам. У нее возникло ощущение, что она разговаривает с абсолютно незнакомым человеком. Коммандер послал ее жениха, преподавателя, с заданием от АНБ и даже не потрудился сообщить директору о самом серьезном кризисе в истории агентства.

– Вы не поставили в известность Лиланда Фонтейна?

Терпение Стратмора иссякло. Он взорвался:

– Сьюзан, выслушай меня! Я вызвал тебя сюда, потому что мне нужен союзник, а не следователь! Сегодня у меня было ужасное утро. Вчера вечером я скачал файл Танкадо и провел у принтера несколько часов, ожидая, когда «ТРАНСТЕКСТ» его расколется. На расвете я устроил свою гордыню и позвонил директору – и, уверяю тебя, это был бы тот еще разговорчик. Доброе утро, сэр. Извините, что пришлось вас разбудить. Почему я звоню? Я только что выяснил, что «ТРАНСТЕКСТ» устарел. Все дело в алгоритме, сочинить который оказалось не под силу нашим лучшим криптографам! – Стратмор стукнул кулаком по столу.

Сьюзан окаменела. Она не произнесла ни слова. За десять лет их знакомства Стратмор выходил из себя всего несколько раз, и этого ни разу не произошло в разговоре с ней.

В течение нескольких секунд ни он, ни она не произнесли ни слова. Наконец Стратмор откинулся на спинку стула, и Сьюзан поняла, что он постепенно успокаивается. Когда он наконец заговорил, голос его звучал подчеркнуто ровно, хотя было очевидно, что это давалось ему нелегко.

– Увы, – тихо сказал Стратмор, – оказалось, что директор в Южной Америке на встрече с президентом Колумбии. Поскольку, находясь там, он ничего не смог бы предпринять, у меня оставалось два варианта: попросить его прервать визит и вернуться в Вашингтон или попытаться разрешить эту ситуацию самому.

Воцарилась тишина. Наконец Стратмор поднял усталые глаза на Сьюзан. Выражение его лица тут же смягчилось.

– Сьюзан, извини меня. Это кошмар наяву. Я понимаю, ты расстроена из-за Дэвида. Я не хотел, чтобы ты узнала об этом так. Я был уверен, что он тебе все рассказал.

Сьюзан ощутила угрызения совести.

– Я тожехватила через край. Извините меня. Дэвид – это отличная кандидатура.

Стратмор отрешенно кивнул:

– Он вернется сегодня вечером.

Сьюзан представила себе, что пришлось пережить коммандеру, – весь этот груз бесконечного ожидания, бесконечные часы, бесконечные встречи. Говорили, что от него уходит жена, с которой он прожил лет тридцать. А в довершение всего – «Цифровая крепость»,

величайшая опасность, нависшая над разведывательной службой. И со всем этим ему приходится справляться в одиночку. Стоит ли удивляться, что он находится на грани срыва?..

– С учетом обстоятельств, я полагаю, – сказала Сьюзан, – вам все же нужно позвонить директору.

Стратмор покачал головой, и капля пота с его лба упала на стол.

– Я не хочу никоим образом нарушать покой директора и говорить с ним о кризисе, в то время как он не в состоянии предпринять хоть что-нибудь.

Сьюзан понимала, что командер прав. Даже в такие моменты ему удавалось сохранять ясность рассудка.

– А вы не думали о том, чтобы позвонить президенту?

Стратмор кивнул:

– Думал. Но решил этого не делать.

Сьюзан так и подумала. Старшие должностные лица АНБ имели право разбираться со своими кризисными ситуациями, не уведомляя об этом исполнительную власть страны. АНБ было единственной разведывательной организацией США, освобожденной от обязанности отчитываться перед федеральным правительством. Стратмор нередко пользовался этой привилегией: он предпочитал творить свое волшебство в уединении.

– Командер, – все же возразила она, – это слишком крупная неприятность, и с ней не стоит оставаться наедине. Вам следовало бы привлечь кого-то еще.

– Сьюзан, появление «Цифровой крепости» влечет за собой очень серьезные последствия для всего будущего нашего агентства. Я не намерен информировать президента за спиной директора. У нас возник кризис, и я пытаюсь с ним справиться. – Он задумчиво посмотрел на нее. – Я являюсь заместителем оперативного директора агентства. – Усталая улыбка промелькнула на его лице. – И потом, я не один. Рядом со мной Сьюзан Флетчер.

В тот момент Сьюзан поняла, за что уважает Тревор Стратмора. Все эти десять лет, в штиль и в бурю, он вел ее за собой. Уверенно и неуклонно. Не сбиваясь с курса. Именно эта целеустремленность всегда изумляла, эта неколебимая верность принципам, стране, идеалам. Что бы ни случилось, командер Тревор Стратмор всегда будет надежным ориентиром в мире немыслимых решений.

– Так ты со мной, Сьюзан? – спросил он.

Сьюзан улыбнулась:

– Да, сэр. На сто процентов.

– Отлично. А теперь – за работу.

Глава 12

Дэвиду Беккеру приходилось бывать на похоронах и видеть мертвых, но на этот раз его глазам открылось нечто особенно действующее на нервы. Это не был тщательно загримированный покойник в обитом шелком гробу. Обнаженное тело, бесцеремонно брошенное на алюминиевый стол. Глаза, которые еще не приобрели отсутствующего безжизненного взгляда, закатились вверх и уставились в потолок с застывшим в них выражением ужаса и печали.

– *Dónde están sus efectos?* – спросил Беккер на беглом кастильском наречии. – Где его вещи?

– *Allí*, – ответил лейтенант с желтыми прокуренными зубами. Он показал на прилавок, где лежала одежда и другие личные вещи покойного.

– *Es todo?* Это все?

– *Sí*.

Беккер попросил дать ему картонную коробку, и лейтенант отправился за ней.

Был субботний вечер, и севильский морг не работал. Молодой лейтенант пустил туда Беккера по распоряжению севильской гвардии – похоже, у этого приезжего американца имелись влиятельные друзья.

Беккер осмотрел одежду. Среди вещей были паспорт, бумажник и очки, засунутые кем-то в один из ботинков. Еще здесь был вещевой мешок, который полиция взяла в отеле, где остановился этот человек. Беккер получил четкие инструкции: ни к чему не прикасаться, ничего не читать. Просто все привезти. Абсолютно все. Ничего не упустив.

Беккер еще раз обвел глазами кучу вещей и нахмурился. Зачем АНБ вся эта рухлядь?

Вернулся лейтенант с маленькой коробкой в руке, и Беккер начал складывать в нее вещи.

Лейтенант дотронулся до ноги покойного.

– *Quién es?* Кто он такой?

– Понятия не имею.

– Похож на китайца.

Японец, подумал Беккер.

– Бедняга. Сердечный приступ, да?

Беккер безучастно кивнул.

– Так мне сказали.

Лейтенант вздохнул и сочувственно помотал головой.

– Севильское солнце бывает безжалостным. Будьте завтра поосторожнее.

– Спасибо, – сказал Беккер. – Я сегодня улетаю.

Офицер был шокирован.

– Вы же только что прибыли!

– Да, но человек, оплативший авиабилет, ждет. Я должен доставить эти вещи.

На лице лейтенанта появилось оскорбленное выражение, какое бывает только у испанцев.

– Вы хотите сказать, что даже не познакомитесь с Севильей?

– Я был здесь несколько лет назад. Замечательный город. Я бы хотел задержаться.

– Значит, вы видели башню? Гиральду?

Беккер кивнул. Он, конечно, видел старинную мавританскую башню, но взбираться на нее не стал.

– Алькасар?

Беккер снова кивнул, вспомнив ночь, когда слушал гитару Пако де Лючии – фламенко под звездами в крепости XV века. Вот бы побывать здесь вместе со Сьюзан.

– И, разумеется, Христофора Колумба? – просиял лейтенант. – Он похоронен в нашем соборе.

Беккер удивленно посмотрел на него.

– Разве? Я думал, что он похоронен в Доминиканской Республике.

– Да нет же, черт возьми! И кто только распустил этот слух? Тело Колумба покоится здесь, в Испании. Вы ведь, кажется, сказали, что учились в университете.

Беккер пожал плечами:

– Наверное, в тот день я прогулял лекцию.

– Испанская церковь гордится тем, что ей принадлежат его останки.

Испанская церковь. Беккер отлично знал, что в Испании только одна церковь – римско-католическая. Католицизм здесь посильнее, чем в самом Ватикане.

– У нас, конечно, не все его тело, – добавил лейтенант. – Solo el escroto.

Беккер даже прервал свое занятие и посмотрел на лейтенанта. Solo el escroto? Он с трудом сдержал улыбку.

– Только лишь мошонка?

Офицер гордо кивнул:

– Да. Когда церковь получит все останки этого великого человека, она причислит его к лику святых и разместит отдельные части его тела в разных соборах, чтобы все могли проникнуться их величием.

– А у вас здесь... – Беккер не сдержал смешка.

– Да! Это очень важная часть! – заявил лейтенант. – Это не ребро или палец, как в церквях Галиции! Вам и в самом деле стоило бы задержаться и посмотреть.

– Может быть, я так и сделаю.

– Mala suerte, – вздохнул лейтенант. – Не судьба. Собор закрыт до утренней мессы.

– Тогда в другой раз. – Беккер улыбнулся и поднял коробку. – Я, пожалуй, пойду. Меня ждет самолет. – Он еще раз оглядел комнату.

– Вас подбросить в аэропорт? – предложил лейтенант – Мой «Мото Гуччи» стоит у подъезда.

– Спасибо, не стоит. Я возьму такси. – Однажды в колледже Беккер прокатился на мотоцикле и чуть не разбился. Он больше не хотел искушать судьбу, кто бы ни сидел за рулем.

– Как скажете. – Лейтенант направился к двери. – Я должен выключить свет.

Беккер держал коробку под мышкой. *Я ничего не упустил?* Он в последний раз бросил взгляд на труп на алюминиевой столешнице. Покойный лежал на спине, лицом вверх, освещаемый лампами дневного света, вроде бы ничего не скрывая. Беккер непроизвольно снова и снова вглядывался в его странно деформированные руки. Он присмотрелся внимательнее.

Офицер выключил свет, и комната погрузилась в темноту.

– Подождите, – сказал Беккер. – Включите на секунду.

Лампы, замигав, зажглись.

Беккер поставил коробку на пол и подошел к столу. Наклонился и осмотрел пальцы левой руки.

Лейтенант следил за его взглядом.

– Ужасное уродство, правда?

Но не искалеченная рука привлекла внимание Беккера. Он увидел кое-что другое. И повернулся к офицеру.

– Вы уверены, что в коробке все его вещи?

– Да, конечно, – подтвердил лейтенант.

Беккер постоял минуту, уперев руки в бока. Затем поднял коробку, поставил ее на стол и вытряхнул содержимое. Аккуратно, предмет за предметом, перетряхнул одежду. Затем взял ботинки и постучал каблуками по столу, точно вытряхивая камешек. Просмотрев все еще раз, он отступил на шаг и нахмурился.

– Какие-то проблемы? – спросил лейтенант.

– Да, – сказал Беккер. – Мы кое-что упустили.

Глава 13

Токуген Нуматака стоял у окна своего роскошного кабинета на верхнем этаже небоскреба и разглядывал завораживающие очертания Токио на фоне ярко-синего неба. Служащие и конкуренты называли Нуматаку *акута саме* – смертоносной акулой. За три десятилетия он перехитрил, превзошел и задавил рекламой всех своих японских конкурентов, и теперь лишь один шаг отделял его от того, чтобы превратиться еще и в гиганта мирового рынка.

Он собирался совершить крупнейшую в своей жизни сделку – сделку, которая превратит его «Нуматек корпорейшн» в «Майкрософт» будущего. При мысли об этом он почувствовал прилив адреналина. Бизнес – это война, с которой ничто не сравнится по остроте ощущений.

Хотя три дня назад, когда раздался звонок, Токуген Нуматака был полон сомнений и подозрений, теперь он знал правду. У него счастливая *миури* – счастливая судьба. Он избранник богов.

– В моих руках копия ключа «Цифровой крепости», – слышался голос с американским акцентом. – Не желаете купить?

Нуматака чуть не расхохотался во весь голос. Он знал, что это трюк. Корпорация «Нуматек» сделала очень крупную ставку на новый алгоритм Танкадо, и теперь кто-то из конкурентов пытается вывести ее величину.

– У вас есть ключ? – сказал Нуматака с деланным интересом.

– Да. Меня зовут Северная Дакота.

Нуматака подавил смешок. Все знали про Северную Дакоту. Танкадо рассказал о своем тайном партнере в печати. Это был разумный шаг – завести партнера: даже в Японии нравы делового сообщества не отличались особой чистотой. Энсей Танкадо не чувствовал себя в безопасности. Лишь один неверный шаг слишком уж настойчивой фирмы, и ключ будет опубликован, а в результате пострадают все фирмы программного обеспечения.

Нуматака затянулся сигарой «умами» и, выпустив струю дыма, решил подыграть этому любителю шарад.

– Итак, вы хотите продать ключ, имеющийся в вашем распоряжении? Интересно. А что по этому поводу думает Энсей Танкадо?

– Я ничем не обязан мистеру Танкадо. Он зря мне доверился. Ключ стоит в сотни раз больше того, что он платит мне за его хранение.

– Извините, но ваш ключ сам по себе ничего не стоит. Как только Танкадо узнает о том, что вы сделали, он опубликует свою копию, и рынок рухнет.

– Вы получите оба экземпляра, – прозвучал голос. – Мой и мистера Танкадо.

Нуматака закрыл трубку ладонью и громко засмеялся. Однако он не смог удержаться от вопроса:

– Сколько же вы хотите за оба экземпляра?

– Двадцать миллионов американских долларов.

Почти столько же поставил Нуматака.

– Двадцать миллионов? – повторил он с притворным ужасом. – Это уму непостижимо!

– Я видел алгоритм. Уверяю вас, он стоит этих денег.

Тут все без обмана. Он стоит десять раз по двадцать миллионов.

– Увы, – сказал Нуматака, которому уже наскучило играть, – мы оба знаем, что Танкадо этого так не оставит. Подумайте о юридических последствиях.

Звонивший выдержал зловещую паузу.

– А что, если мистер Танкадо перестанет быть фактором, который следует принимать во внимание?

Нуматака чуть не расхохотался, но в голосе звонившего слышалась подозрительная решимость.

– Если Танкадо перестанет быть фактором? – вслух размышлял Нуматака. – Тогда мы с вами придем к соглашению.

– Буду держать вас в курсе, – произнес голос, и вслед за этим в трубке раздались короткие гудки.

Глава 14

Беккер впился глазами в труп. Даже через несколько часов после смерти лицо азиата отливало чуть розоватым загаром. Тело же его было бледно-желтого цвета – кроме крохотного красноватого кровоподтека прямо над сердцем.

«Скорее всего от искусственного дыхания и массажа сердца, – подумал Беккер. – Жаль, что бедняге это не помогло».

Он принялся рассматривать руки покойного. Ничего подобного ему никогда не приходилось видеть. На каждой руке всего по три пальца, скрюченных, искривленных. Но Беккера интересовало отнюдь не это уродство.

– Боже ты мой, – пробормотал лейтенант из другого конца комнаты. – Он японец, а не китаец.

Беккер поднял глаза. Лейтенант листал паспорт умершего.

– Я бы предпочел, чтобы вы ни к чему не прикасались, – попросил он. *Ничего не трогайте. Ничего не читайте.*

– Энсей Танкадо... родился в январе...

– Пожалуйста, – вежливо сказал Беккер. – Положите на место.

Офицер еще какое-то время разглядывал паспорт, потом положил его поверх вороха одежды.

– У этого парня была виза третьего класса. По ней он мог жить здесь многие годы.

Беккер дотронулся до руки погибшего авторучкой.

– Может быть, он и жил здесь.

– Вовсе нет. Пересек границу неделю назад.

– Наверное, хотел сюда переехать, – сухо предположил Беккер.

– Да, возможно. Первая неделя оказалась последней. Солнечный удар и инфаркт. Бедолага.

Беккер ничего не сказал и продолжал разглядывать пальцы умершего.

– Вы уверены, что на руке у него не было перстня?

Офицер удивленно на него посмотрел.

– Перстня?

– Да. Взгляните.

Офицер подошел к столу.

Кожа на левой руке загорелая, если не считать узкой светлой полоски на мизинце.

Беккер показал лейтенанту эту полоску.

– Смотрите, полоска осталась незагорелой. Похоже, он носил кольцо.

Офицер был поражен этим открытием.

– Кольцо? – Он вдруг забеспокоился. Вгляделся в полоску на пальце и пристыженно покраснел. – О Боже, – хмыкнул он, – значит, эта история подтверждается.

Беккеру даже сделалось дурно.

– Прошу прощения?

Офицер покачал головой, словно не веря своим глазам.

– Я должен был вам рассказать... но думал, что тот тип просто псих.

– Какой тип? – Беккер хмуро взглянул на полицейского.

– Тот, что вызвал «скорую». Он болтал что-то на ужаснейшем испанском, который мне только доводилось слышать.

– Он сказал, что на руке у мистера Танкадо было кольцо?

Офицер кивнул, достал из пачки «Дукадо» сигарету, посмотрел на плакат с надписью «No fumar» – «Не курить» – и все же закурил.

– Наверное, я должен был обратить на это внимание, но тот тип показался мне настоящим психом.

Беккер нахмурился. Слова Стратмора эхом звучали в его ушах. *Мне нужно все, что было у Танкадо при себе. Все. Не упустите ничего. Даже клочка бумаги.*

– Где теперь это кольцо? – спросил Беккер.

Лейтенант глубоко затаился.

– Долгая история.

Чутье подсказывало Беккеру, что это открытие не сулит ему ничего хорошего.

– Все равно расскажите.

Глава 15

Сьюзан Флетчер расположилась за компьютерным терминалом Третьего узла. Этот узел представлял собой звуконепроницаемую уединенную камеру, расположенную неподалеку от главного зала. Двухдюймовое искривленное стекло односторонней видимости открывало перед криптографами панораму зала, не позволяя увидеть камеру снаружи. В задней ее части располагались двенадцать терминалов, образуя совершенную окружность. Такая форма их размещения должна была способствовать интеллектуальному общению криптографов, напоминая им, что они всего лишь члены многочисленной команды – своего рода рыцари Круглого стола взломщиков кодов. По иронии судьбы в Третьем узле секреты не очень-то любили.

Нареченный «Детским манежем», Третий узел ничем не напоминал стерильную атмосферу остальной части шифровальки. Его обстановка напоминала домашнюю – мягкий ковер, высокотехнологичная звуковая система, холодильник, полный напитков и всяческой еды, маленькая кухня и даже баскетбольное кольцо. В отношении шифровальки в АНБ сложилась своеобразная философия. Нет смысла вбухивать миллиарды долларов в дешифровальный компьютер и одновременно экономить на тех, кто работает на этой превосходной технике.

Сьюзан скинула туфли на низких каблуках от Сальваторе Феррагамо и блаженно погрузила обтянутые чулками ноги в густой шерстяной ковер. Высокооплачиваемые государственные служащие старались избегать демонстрации личного благосостояния. Для Сьюзан это не составляло проблемы: она была безмерно счастлива в своей скромной двухкомнатной квартире, водила «вольво» и довольствовалась весьма консервативным гардеробом. Но вот туфли – совсем другое дело. Даже во время учебы в колледже она старалась покупать самую лучшую обувь.

«Нельзя дотянуться до звезд, если чувствуешь себя ущемленной, – сказала как-то ее тетушка. – И если уж попала туда, куда стремилась, постарайся выглядеть на все сто!»

Сьюзан сладко потянулась и взялась за дело. Она загрузила программу «Следопыт» и, приготовившись отправиться на охоту, взглянула на адрес электронной почты, который вручил ей Стратмор.

NDAKOTA@ARA.ANON.ORG

У человека, назвавшегося Северной Дакотой, анонимные учетные данные, но Сьюзан знала, что это ненадолго. «Следопыт» проникнет в АРА, отыщет Северную Дакоту и сообщит истинный адрес этого человека в Интернете.

Если все сложится нормально, она скоро выяснит местонахождение Северной Дакоты, и Стратмор конфискует ключ. Тогда дело будет только за Дэвидом. Когда он найдет копию ключа, имевшуюся у Танкадо, оба экземпляра будут уничтожены, а маленькая бомба с часовым механизмом, заложенная Танкадо, – обезврежена и превратится во взрывное устройство без детонатора.

Сьюзан еще раз прочитала адрес на клочке бумаги и ввела информацию в соответствующее поле, посмеялась про себя, вспомнив о трудностях, с которыми столкнулся Стратмор, пытаясь самолично запустить «Следопыта». Скорее всего он проделал это дважды и каждый раз получал адрес Танкадо, а не Северной Дакоты. Элементарная ошибка, подумала Сьюзан, Стратмор, по-видимому, поменял местами поля информации, и «Следопыт» искал учетные данные совсем не того пользователя.

Она завершила ввод данных и запустила «Следопыта». Затем щелкнула по кнопке «возврат». Компьютер однократно пискнул. На экране высветилось:

СЛЕДОПЫТ ОТПРАВЛЕН

Теперь надо ждать.

Сьюзан вздохнула. Она чувствовала себя виноватой из-за того, что так резко говорила с командером. Ведь если кто и может справиться с возникшей опасностью, да еще без постоянной помощи, так это Тревор Стратмор. Он обладал сверхъестественной способностью одерживать верх над всеми, кто бросал ему вызов.

Шесть месяцев назад, когда Фонд электронных границ обнародовал информацию о том, что подводная лодка АНБ прослушивает подводные телефонные кабели, Стратмор организовал утечку информации о том, что эта подводная лодка на самом деле занимается незаконным сбросом токсичных отходов. ФЭГ и экологи так и не смогли установить, какая из двух версий соответствует истине, и средства массовой информации в конце концов устали от всей этой истории и перешли к другим темам.

Каждый шаг Стратмора был рассчитан самым тщательным образом. Строя свои планы, Стратмор целиком полагался на собственный компьютер. Как и многие другие сотрудники АНБ, он использовал разработанную агентством программу «Мозговой штурм» – безопасный способ разыгрывать сценарий типа «Что, если?..» на защищенном от проникновения компьютере.

«Мозговой штурм» был своего рода разведывательным экспериментом, который его создатели называли «Симулятором причин и следствий». Сначала он предназначался для использования в ходе избирательных кампаний как способ создания в режиме реального времени моделей данной «политической среды». Загруженная громадным количеством информации программа создавала паутину относительных величин – гипотетическую модель взаимодействия политических переменных, включая известных политиков, их штабы, личные взаимоотношения, острые проблемы, мотивации, отягощенные такими факторами, как секс, этническая принадлежность, деньги и власть. Пользователь имел возможность создать любую гипотетическую ситуацию, и «Мозговой штурм» предсказывал, как эта ситуация повлияет на «среду».

Командер относился к этой программе с религиозным трепетом, но использовал ее не в политических целях: она служила ему для расчета времени, оценки информации и схематического отображения ситуации, выработки сложных стратегических решений и своевременного выявления слабых мест. Сьюзан не оставляло подозрение, что в компьютере шефа кроется нечто, чему в один прекрасный день суждено изменить весь мир.

«Да, я была с ним слишком сурова», – подумала Сьюзан.

Ее мысли были прерваны внезапным звуковым сигналом входной двери Третьего узла. Стратмор чуть ли не вбежал в комнату.

– Сьюзан, – сказал он, – только что позвонил Дэвид. Он задерживается.

Глава 16

– Кольцо? – не веря своим ушам, переспросила Сьюзан. – С руки Танкадо исчезло кольцо?

– Да. К счастью, Дэвид это обнаружил. Он проявил редкую наблюдательность.

– Но ведь вы ищете ключ к шифру, а не ювелирное изделие.

– Конечно. Но я думаю, что одно с другим может быть связано самым непосредственным образом.

Сьюзан отказывалась его понимать.

– Это долгая история.

Она повернулась к монитору и показала на работающего «Следопыта».

– Я никуда не спешу.

Стратмор сокрушенно вздохнул и начал мерить шагами комнату.

– Очевидно, когда Танкадо умер, рядом находились свидетели. Согласно словам офицера, который отвел Дэвида в морг, некий канадский турист сегодня утром в панике позвонил в полицию и сказал, что у одного японца в парке случился сердечный приступ. Прибыв на место, офицер увидел мертвого Танкадо, рядом с которым находился упомянутый канадец, и тут же по рации вызвал «скорую». Когда санитары отвезли тело Танкадо в морг, офицер попытался расспросить канадца о том, что произошло. Единственное, что он понял из его сбивчивого рассказа, – это что перед смертью Танкадо отдал кольцо.

– Танкадо отдал кольцо? – скептически отозвалась Сьюзан.

– Да. Такое впечатление, что он его буквально всучил – канадцу показалось, будто бы он просил, чтобы кольцо взяли. Похоже, этот канадец рассмотрел его довольно внимательно. – Стратмор остановился и повернулся к Сьюзан. – Он сказал, что на кольце были выгравированы какие-то буквы.

– Буквы?

– Да, если верить ему – не английские. – Стратмор приподнял брови, точно ждал объяснений.

– Японские иероглифы?

Стратмор покачал головой.

– Это и мне сразу пришло в голову. Но послушай: канадец сказал, что буквы не складывались во что-то вразумительное. Японские иероглифы не спутаешь с латиницей. Он сказал, что выгравированные буквы выглядят так, будто кошка прошла по клавишам пишущей машинки.

– Коммандер, не думаете же вы... – Сьюзан расхохоталась.

Но Стратмор не дал ей договорить.

– Сьюзан, это же абсолютно ясно. Танкадо выгравировал ключ «Цифровой крепости» на кольцо. Золото долговечно. Что бы он ни делал – спал, стоял под душем, ел, – ключ всегда при нем, в любую минуту готовый для опубликования.

– На пальце? – усомнилась Сьюзан. – У всех на виду?

– Почему бы и нет? Испания отнюдь не криптографический центр мира. Никто даже не заподозрит, что эти буквы что-то означают. К тому же если пароль стандартный, из шестидесяти четырех знаков, то даже при свете дня никто их не прочтет, а если и прочтет, то не запомнит.

– И Танкадо отдал это кольцо совершенно незнакомому человеку за мгновение до смерти? – с недоумением спросила Сьюзан. – Почему?

Стратмор сощурил глаза.

– А ты как думаешь?

И уже мгновение спустя ее осенило. Ее глаза расширились.

Стратмор кивнул:

– Танкадо хотел от него избавиться. Он подумал, что это мы его убили. Он почувствовал, что умирает, и вполне логично предположил, что это наших рук дело. Тут все совпадает. Он решил, что мы добрались до него и, вероятно, отравили – ядом, вызывающим остановку сердца. Он понимал, что мы могли решиться на это только в одном случае – если нашли Северную Дакоту.

По спине Сьюзан пробежал холодок.

– Конечно, – чуть слышно сказала она. – Танкадо подумал, что раз мы приостановили действие его страхового полиса, то можем «приостановить» и его самого.

Постепенно она начала понимать. Время сердечного приступа настолько устраивало АНБ, что Танкадо сразу понял, чьих это рук дело, и в последние мгновения своей жизни инстинктивно подумал о мести. Энсей Танкадо отдал кольцо, надеясь обнародовать ключ. И теперь – во что просто не верится – какой-то ни о чем не подозревающий канадский турист держит в своих руках ключ к самому мощному шифровальному алгоритму в истории.

Сьюзан набрала полные легкие воздуха и задала неизбежный вопрос:

– И где же теперь этот канадец?

Стратмор нахмурился:

– В этом вся проблема.

– Офицер полиции этого не знает?

– Не имеет понятия. Рассказ канадца показался ему полным абсурдом, и он подумал, что старик еще не отошел от шока или страдает слабоумием. Тогда он посадил его на заднее сиденье своего мотоцикла, чтобы отвезти в гостиницу, где тот остановился. Но этот канадец не знал, что ему надо держаться изо всех сил, поэтому они и трех метров не проехали, как он грохнулся об асфальт, разбил себе голову и сломал запястье.

– Что? – Сьюзан не верила своим ушам.

– Офицер хотел доставить его в госпиталь, но канадец был вне себя от ярости, сказав, что скорее пойдет в Канаду пешком, чем еще раз сядет на мотоцикл. Все, что полицейский мог сделать, – это проводить его до маленькой муниципальной клиники неподалеку от парка. Там он его и оставил.

– Думаю, нет нужды спрашивать, куда направился Дэвид, – хмуро сказала она.

Глава 17

Дэвид Беккер ступил на раскаленные плиты площади Испании. Прямо перед ним над деревьями возвышалось Аюнтамьенто – старинное здание ратуши, которое окружали три акра бело-голубой мозаики азульехо. Его арабские шпили и резной фасад создавали впечатление скорее дворца – как и было задумано, – чем общественного учреждения. За свою долгую историю оно стало свидетелем переворотов, пожаров и публичных казней, однако большинство туристов приходили сюда по совершенно иной причине: туристические проспекты рекламировали его как английский военный штаб в фильме «Лоуренс Аравийский». «Коламбия пикчерз» было гораздо дешевле снять эту картину в Испании, нежели в Египте, а мавританское влияние на сеvilьскую архитектуру с легкостью убедило кинозрителей в том, что перед их глазами Каир.

Беккер перевел свои «Сейко» на местное время – 9.10 вечера, по местным понятиям еще день: порядочный испанец никогда не обедает до заката, а ленивое андалузское солнце редко покидает небо раньше десяти.

Несмотря на то что вечер только начинался, было очень жарко, однако Беккер поймал себя на том, что идет через парк стремительным шагом. Голос Стратмора в телефонной трубке звучал еще настойчивее, чем утром. Новые инструкции не оставляли места сомнениям: необходимо во что бы то ни стало найти канадца. Ни перед чем не останавливаться, только бы заполучить кольцо.

Беккера очень удивило, что это кольцо с какой-то невразумительной надписью представляет собой такую важность. Однако Стратмор ничего не объяснил, а Беккер не решился спросить. «АНБ, – подумал он. – НБ – это, конечно, „не болтай“. Вот такое агентство».

На другой стороне авениды Изабеллы он сразу же увидел клинику с изображенным на крыше обычным красным крестом на белом поле. С того момента как полицейский доставил сюда канадца, прошло уже несколько часов. Перелом запястья, разбитая голова – скорее всего ему оказали помощь и давно выписали. Беккер все же надеялся, что в клинике осталась какая-то регистрационная запись – название гостиницы, где остановился пациент, номер телефона, по которому его можно найти. Если повезет, он разыщет канадца, получит кольцо и тут же вернется домой.

«Если потребуется, заплатите за это кольцо хоть десять тысяч долларов. Я верну вам деньги», – сказал ему Стратмор.

«В этом нет необходимости», – ответил на это Беккер. Он так или иначе собирался вернуть деньги. Он поехал в Испанию не ради денег. Он сделал это из-за Сьюзан. Коммандер Тревор Стратмор – ее наставник и покровитель. Сьюзан многим ему обязана; потратить день на то, чтобы исполнить его поручение, – это самое меньшее, что он мог для нее сделать.

К сожалению, утром все сложилось не так, как он планировал. Беккер намеревался позвонить Сьюзан с борта самолета и все объяснить. Он подумал было попросить пилота радировать Стратмору, чтобы тот передал его послание Сьюзан, но не решился впутывать заместителя директора в их личные дела.

Сам он трижды пытался связаться со Сьюзан – сначала с мобильного в самолете, но тот почему-то не работал, затем из автомата в аэропорту и еще раз – из морга. Сьюзан не было дома. Он не мог понять, куда она подевалась. Всякий раз включался автоответчик, но Дэвид молчал. Он не хотел доверять машине предназначавшиеся ей слова.

Выйдя на улицу, Беккер увидел у входа в парк телефонную будку. Он чуть ли не бегом бросился к ней, схватил трубку и вставил в отверстие телефонную карту. Соединения долго не было. Наконец раздались длинные гудки.

Ну давай же. Окажись дома.

Через пять гудков он услышал ее голос.

– Здравствуйте. Это Сьюзан Флетчер. Извините, меня нет дома, но если вы оставите свое сообщение...

Беккер выслушал все до конца. *Где же она?* Наверняка Сюзан уже начала волноваться. Уж не уехала ли она в «Стоун-Мэнор» без него? Раздался сигнал, после которого надо было оставить сообщение.

– Привет, это Дэвид. – Он замолчал, не зная, что сказать дальше. Беккер терпеть не мог говорить с автоответчиком: только задумаешься, а тот уже отключился. – Прости, не мог позвонить раньше, – успел сказать он. Подумал, не рассказать ли ей все. Но решил этого не делать. – Позвони командеру. Он тебе все объяснит. – Сердце его колотилось. Как все это глупо, подумал он, быстро выпалил: – Я люблю тебя! – и повесил трубку.

Он стоял у края тротуара, пропуская машины. Наверное, она подумает бог знает что: он всегда звонил ей, если обещал.

Беккер зашагал по улице с четырехполосным движением и бульваром посередине. «Туда и обратно, – мысленно повторял он. – Туда и обратно». Он был настолько погружен в свои мысли, что не заметил человека в очках в тонкой металлической оправе, который следил за ним с другой стороны улицы.

Глава 18

Стоя у громадного окна во всю стену своего кабинета в токийском небоскребе, Нуматака с наслаждением дымил сигарой и улыбался. Он не мог поверить в свою необыкновенную удачу. Он снова говорил с этим американцем, и если все прошло, как было задумано, то Танкадо сейчас уже нет в живых, а ключ, который он носил с собой, изъят.

В том, что он, Нуматака, в конце концов решил приобрести ключ Энсея Танкадо, крылась определенная ирония. Токуген Нуматако познакомился с Танкадо много лет назад. Молодой программист приходил когда-то в «Нуматек», тогда он только что окончил колледж и искал работу, но Нуматака ему отказал. В том, что этот парень был блестящим программистом, сомнений не возникало, но другие обстоятельства тогда казались более важными. Хотя Япония переживала глубокие перемены, Нуматака оставался человеком старой закалки и жил в соответствии с кодексом *менбоко* – «честь и репутация». Если он примет на работу калеку, его компания *потеряет лицо*. Он выкинул его автобиографию в мусорную корзину, даже не прочитав.

Нуматака в очередной раз посмотрел на часы. Американец по кличке Северная Дакота должен был бы уже позвонить. Нуматака начал слегка нервничать. Он очень надеялся, что ничего не сорвалось.

Если ключ так хорош, как о нем говорят, он взламывает самый совершенный продукт компьютерной эры – абсолютно стойкий алгоритм цифрового кодирования. Нуматака введет этот алгоритм в чипы VSLI со специальным покрытием и выбросит их на массовый рынок, где их будут покупать производители компьютеров, правительства, промышленные компании. А может быть, он даже запустит их на черный рынок... рынок международного терроризма.

Нуматака улыбнулся. Похоже, он снискал благословение – *шичигосан*. Скоро «Нуматек» станет единственным обладателем единственного экземпляра «Цифровой крепости». Другого нет и не будет. Двадцать миллионов долларов – это очень большие деньги, но если принять во внимание, за что они будут заплачены, то это сущие гроши.

Глава 19

– А вдруг кто-то еще хочет заполучить это кольцо? – спросила Сьюзан, внезапно заволновавшись. – А вдруг Дэвиду грозит опасность?

Стратмор покачал головой:

– Больше никто не знает о существовании кольца. Именно поэтому я и послал за ним Дэвида. Я хотел, чтобы никто ничего не заподозрил. Любопытным шпикам не придет в голову сесть на хвост преподавателю испанского языка.

– Он профессор, – поправила его Сьюзан и тут же пожалела об этом. У нее часто возникало чувство, что Стратмор не слишком высокого мнения о Дэвиде и считает, что она могла бы найти себе кого-то поинтереснее, чем простой преподаватель. – Коммандер, – сказала она, – если вы инструктировали Дэвида сегодня утром по телефону из машины, кто-то мог перехватить...

– Один шанс на миллион, – возразил Стратмор, стараясь ее успокоить. – Подслушивающий должен был находиться в непосредственной близости и точно знать, что надо подслушивать. – Он положил руку ей на плечо. – Я никогда не послал бы туда Дэвида, если бы считал, что это связано хоть с малейшей опасностью. – Он улыбнулся. – Поверь мне. При первых же признаках опасности я отправлю к нему профессионалов.

Слова Стратмора внезапно были прерваны постукиванием по стеклянной стене Третьего узла. Они обернулись.

Сотрудник отдела обеспечения системной безопасности Фил Чатрукьян, прикинув лицом к стеклу, отчаянно барабанил по нему, стараясь разглядеть, есть ли кто-нибудь внутри. Он что-то говорил, но сквозь звуконепроницаемую перегородку слов не было слышно. У него был такой вид, словно он только что увидел привидение.

– Какого черта здесь нужно Чатрукьяну? – недовольно поинтересовался Стратмор. – Сегодня не его дежурство.

– Похоже, что-то стряслось, – сказала Сьюзан. – Наверное, увидел включенный монитор.

– Черт возьми! – выругался коммандер. – Вчера вечером я специально позвонил дежурному лаборатории систем безопасности и попросил его сегодня не выходить на работу.

Сьюзан это не удивило. Она не могла припомнить, чтобы когда-то отменялось дежурство, но Стратмор, очевидно, не хотел присутствия непосвященных. Он и мысли не допускал о том, что кто-то из сотрудников лаборатории узнает о «Цифровой крепости».

– Наверное, стоит выключить «ТРАНСТЕКСТ», – предложила Сьюзан. – Потом мы запустим его снова, а Филу скажем, что ему все это приснилось.

Стратмор задумался над ее словами, затем покачал головой:

– Пока не стоит. «ТРАНСТЕКСТ» работает пятнадцать часов. Пусть пройдут все двадцать четыре часа – просто чтобы убедиться окончательно.

Сьюзан это показалось разумным. «Цифровая крепость» впервые запустила функцию переменного открытого текста; быть может, «ТРАНСТЕКСТ» сумеет взломать шифр за двадцать четыре часа. Но честно говоря, она в это уже почти не верила.

– Пусть «ТРАНСТЕКСТ» работает, – принял решение Стратмор. – Я хочу быть абсолютно уверен, что это абсолютно стойкий шифр.

Чатрукьян продолжал колотить по стеклу.

– Ничего не поделаешь, – вздохнул Стратмор. – Поддержи меня.

Коммандер глубоко вздохнул и подошел к раздвижной стеклянной двери. Кнопка на полу привела ее в движение, и дверь, издав шипящий звук, отъехала в сторону.

Чатрукьян ввалился в комнату.

– Коммандер... сэр, я... извините за беспокойство, но монитор... я запустил антивирус и...

– Фил, Фил, – нехарактерным для него ласковым тоном сказал Стратмор. – Потихе и помедленнее. Что случилось?

По голосу Стратмора, мягкому и спокойному, никто никогда не догадался бы, что мир, в котором он жил, рушится у него на глазах. Он отступил от двери и отошел чуть в сторону, пропуская Чатрукьяна в святая святых Третьего узла. Тот в нерешительности застыл в дверях, как хорошо обученная служебная собака, знающая, что ей запрещено переступить порог.

По изумлению на лице Чатрукьяна было видно, что он никогда прежде не бывал в этой комнате. Какова бы ни была причина его волнения, когда он колотил в стеклянную стену Третьего узла, она моментально улетучилась. Он разглядывал роскошную внутреннюю отделку, выстроившиеся в ряд компьютеры, диваны, книжные полки, залитые мягким светом. Увидав королеву шифровалки Сьюзан Флетчер, Чатрукьян моментально отвел глаза. Он боялся ее как огня. Ее мозги работали словно на совсем другом уровне. Она подавляла его своей красотой, и всякий раз, когда он оказывался рядом, язык у него заплетался. Сейчас она держалась подчеркнуто сдержанно, и это пугало его еще сильнее.

– Так в чем же проблема, Фил? – спросил Стратмор, открывая холодильник. – Может, чего-нибудь выпьешь?

– Нет, а-а... нет, спасибо, сэр. – Ему трудно было говорить – наверное потому, что он не был уверен, что его появлению рады. – Сэр, мне кажется... что с «ТРАНСТЕКСТОМ» какая-то проблема.

Стратмор закрыл дверцу холодильника и без тени волнения взглянул на Чатрукьяна.

– Ты имеешь в виду работающий монитор?

Чатрукьян растерялся.

– Так вы обратили внимание?

– Конечно. Он работает уже шестнадцать часов, если не ошибаюсь.

Чатрукьян не знал, что сказать.

– Да, сэр. Шестнадцать часов. Но это не все, сэр. Я запустил антивирус, и он показывает нечто очень странное.

– Неужели? – Стратмор по-прежнему оставался невозмутим. – Что показалось тебе странным?

Сьюзан восхитилась спектаклем, который на ее глазах разыгрывал коммандер.

– «ТРАНСТЕКСТ» работает с чем-то очень сложным, фильтры никогда ни с чем подобным не сталкивались. Боюсь, что в «ТРАНСТЕКСТЕ» завелся какой-то неизвестный вирус.

– Вирус? – снисходительно хмыкнул Стратмор. – Фил, я высоко ценю твою бдительность, очень высоко. Но мы с мисс Флетчер проводим диагностику особого рода. Это файл высочайшей сложности. Я должен был тебя предупредить, но не знал, что сегодня твое дежурство.

Сотрудник лаборатории систем безопасности не стал выдавать дежурного.

– Я поменялся сменой с новым сотрудником. Согласился подежурить в этот уик-энд.

Глаза Стратмора сузились.

– Странно. Я вчера говорил с ним. Велел ему сегодня не приходить. Он ничего не сказал о том, что поменялся с тобой дежурством.

У Чатрукьяна ком застрял в горле. Он молчал.

– Ну ладно, – вздохнул Стратмор. – Похоже, вышла какая-то путаница. – Он положил руку на плечо Чатрукьяна и проводил его к двери. – Тебе не нужно оставаться до конца смены. Мы с мисс Флетчер пробудем здесь весь день. Будем охранять нашу крепость. Желаю веселого уик-энда.

Чатрукьян заколебался.

– Коммандер, мне действительно кажется, что нужно проверить...

– Фил, – сказал Стратмор чуть более строго, – «ТРАНСТЕКСТ» в полном порядке. Если твоя проверка выявила нечто необычное, то лишь потому, что это сделали мы сами. А теперь, если не возражаешь... – Стратмор не договорил, но Чатрукьян понял его без слов. Ему предложили исчезнуть.

– Диагностика, черт меня дери! – бормотал Чатрукьян, направляясь в свою лабораторию. – Что же это за цикличная функция, над которой три миллиона процессоров бьются уже шестнадцать часов?

Он постоял в нерешительности, раздумывая, не следует ли поставить в известность начальника лаборатории безопасности. *Да будь они прокляты, эти криптографы. Ничего не понимают в системах безопасности!*

Присяга, которую Чатрукьян принимал, поступая на службу в АНБ, стала непроизвольно прокручиваться в его голове. Он поклялся применять все свои знания, весь опыт, всю интуицию для защиты компьютеров агентства, стоивших не один миллион долларов.

– Интуиция? – с вызовом проговорил он. *Не нужно интуиции, чтобы понять: никакая это не диагностика!*

Он решительно подошел к терминалу и запустил весь набор программ системных оценок «ТРАНСТЕКСТА».

– Твое сокровище в беде, коммандер, – пробормотал он. – Не веришь моей интуиции? Так я тебе докажу!

Глава 20

Городская больница располагалась в здании бывшей начальной школы и нисколько не была похожа на больницу. Длинное одноэтажное здание с огромными окнами и ветхое крыло, прилепившееся сзади. Беккер поднялся по растрескавшимся ступенькам.

Внутри было темно и шумно. Приемный покой представлял собой бесконечный узкий коридор с выстроившимися в ряд во всю его длину складными стульями. Установленная на треноге картонная табличка с надписью OFICINA стрелкой указывала направление.

Беккер двинулся по едва освещенному коридору. Все здесь напоминало зловещую декорацию к голливудскому фильму ужасов. В воздухе стоял тяжелый запах мочи. Лампочки в конце коридора не горели, и на протяжении последних двадцати метров можно было различать только смутные силуэты. Женщина с кровотечением... плачущая молодая пара... молящаяся маленькая девочка. Наконец Беккер дошел до конца темного коридора и толкнул чуть приоткрытую дверь слева. Комната была пуста, если не считать старой изможденной женщины на койке, пытавшейся подсунуть под себя судно.

«Хорошенькое зрелище, – подумал Беккер. – Где, черт возьми, регистратура?»

За едва заметным изгибом коридора Беккер услышал голоса. Он пошел на звук и уткнулся в стеклянную дверь, за которой, судя по доносящемуся оттуда шуму и гвалту, происходило нечто вроде драки. Преодолев отвращение, Беккер открыл дверь. Регистратура. Бедлам. Так он и думал.

Очередь из десяти человек, толкотня и крик. Испания не славится эффективностью бюрократического аппарата, и Беккер понял, что ему придется простоять здесь всю ночь, чтобы получить информацию о канадце. За конторкой сидела только одна секретарша, норвившая избавиться от назойливых пациентов. Беккер застыл в дверях, не зная, как поступить. Необходимо было срочно что-то придумать.

– Con permiso! – крикнул санитар. Мимо стремительно проплыла каталка.

Беккер успел отскочить в сторону и окликнул санитаря.

– ¿Dónde está el teléfono?

Не снижая скорости, мужчина указал Беккеру на двустворчатую дверь и скрылся за поворотом. Беккер последовал в указанном направлении.

Он очутился в огромной комнате – бывшем гимнастическом зале. Бледно-зеленый пол мерцал в сиянии ламп дневного света, то попадая в фокус, то как бы проваливаясь. Лампы зловеще гудели. На стене криво висело баскетбольное кольцо. Пол был уставлен десятками больничных коек. В дальнем углу, прямо под табло, которое когда-то показывало счет проходивших здесь матчей, он увидел слегка покосившуюся телефонную будку. Дай Бог, чтобы телефон работал, мысленно взмолился Беккер.

Двигаясь к будке, он нащупывал в кармане деньги. Нашлось 75 песет никелевыми монетками, сдача от поездки в такси, – достаточно для двух местных звонков. Он вежливо улыбнулся озабоченной медсестре и вошел в будку. Сняв трубку, набрал номер справочной службы и через тридцать секунд получил номер главного офиса больницы.

В какой бы стране вы ни находились, во всех учреждениях действует одно и то же правило: никто долго не выдерживает звонка телефонного аппарата. Не важно, сколько посетителей стоят в очереди, – секретарь всегда бросит все дела и поспешит поднять трубку.

Беккер отбил шестизначный номер. Еще пара секунд, и его соединили с больничным офисом. Наверняка сегодня к ним поступил только один канадец со сломанным запястьем и сотрясением мозга, и его карточку нетрудно будет найти. Беккер понимал, что в больнице не захотят назвать имя и адрес больного незнакомому человеку, но он хорошо подготовился к разговору.

В трубке раздались длинные гудки. Беккер решил, что трубку поднимут на пятый гудок, однако ее подняли на девятнадцатый.

– Городская больница, – буркнула зачумленная секретарша.

Беккер заговорил по-испански с сильным франко-американским акцентом:

– Меня зовут Дэвид Беккер. Я из канадского посольства. Наш гражданин был сегодня доставлен в вашу больницу. Я хотел бы получить информацию о нем, с тем чтобы посольство могло оплатить его лечение.

– Прекрасно, – прозвучал женский голос. – Я пошлю эту информацию в посольство в понедельник прямо с утра.

– Мне очень важно получить ее именно сейчас.

– Это невозможно, – раздраженно ответила женщина. – Мы очень заняты.

Беккер старался говорить как можно официальнее:

– Дело весьма срочное. Этот человек сломал запястье, у него травма головы. Он был принят сегодня утром. Его карточка должна лежать где-то сверху.

Беккер еще больше усилил акцент, но так, чтобы собеседница могла понять, что ему нужно, и говорил слегка сбивчиво, подчеркивая свою крайнюю озабоченность. Люди часто нарушают правила, когда сталкиваются с подобной настойчивостью.

Но вместо того чтобы нарушить правила, женщина выругала самоуверенного североамериканца и отсоединилась.

Расстроенный, Беккер повесил трубку. Провал. Мысль о том, что придется отстоять в очереди несколько часов, была невыносима. Время идет, старик канадец может куда-нибудь исчезнуть. Вполне вероятно, он решит поскорее вернуться в Канаду. Или надумает продать кольцо. Беккер не мог ждать. Он решительно поднял трубку, снова набрал номер и прислонился к стене. Послышались гудки. Беккер разглядывал зал. Один гудок... два... три...

Внезапно он увидел нечто, заставившее его бросить трубку. Беккер повернулся и еще раз оглядел больничную палату. В ней царила полная тишина. Прямо перед ним, откинувшись на груды старых подушек, лежал пожилой человек с ярко-белой гипсовой повязкой на правом запястье.

Глава 21

Голос американца, звонившего Нуматаке по прямой линии, казался взволнованным:

– Мистер Нуматака, в моем распоряжении не больше минуты.

– Хорошо. Полагаю, вы получили обе копии ключа?

– Вышла небольшая заминка, – сказал американец.

– Это невозможно! – рявкнул Нуматака. – Вы обещали, что они будут у меня сегодня до конца дня!

– Произошло нечто непредвиденное.

– Танкадо мертв?

– Да, – сказал голос. – Мой человек ликвидировал его, но не получил ключ. За секунду до смерти Танкадо успел отдать его какому-то туристу.

– Это возмутительно! – взорвался Нуматака. – Каким же образом вы выполните обещание об эксклюзивном...

– Не волнуйтесь, – спокойно ответил американец. – Эксклюзивные права у вас будут. Это я гарантирую. Как только найдется недостающая копия ключа, «Цифровая крепость» – ваша.

– Но с ключа могут снять копию!

– Каждый, кто к нему прикоснется, будет уничтожен.

Повисла тишина. Наконец Нуматака спросил:

– Где ключ сейчас?

– Вам нужно знать только одно: он будет найден.

– Откуда такая уверенность?

– Не я один его ищу. Американская разведка тоже идет по следу. Они, вполне естественно, хотят предотвратить распространение «Цифровой крепости», поэтому послали на поиски ключа человека по имени Дэвид Беккер.

– Откуда вам это известно?

– Это не имеет отношения к делу.

Нуматака выдержал паузу.

– А если мистер Беккер найдет ключ?

– Мой человек отнимет его.

– И что дальше?

– Какое вам дело? – холодно произнес американец. – Когда мистер Беккер найдет ключ, он будет вознагражден сполна.

Глава 22

Дэвид Беккер быстро подошел к койке и посмотрел на спящего старика. Правое запястье в гипсе. На вид за шестьдесят, может быть, около семидесяти. Белоснежные волосы аккуратно зачесаны набок, в центре лба темно-красный рубец, тянущийся к правому глазу.

«Ничего себе маленькая шишка», – подумал Беккер, вспомнив слова лейтенанта. Посмотрел на пальцы старика – никакого золотого кольца. Тогда он дотронулся до его руки.

– Сэр? – Беккер легонько потормошил спящего. – Простите, сэр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.